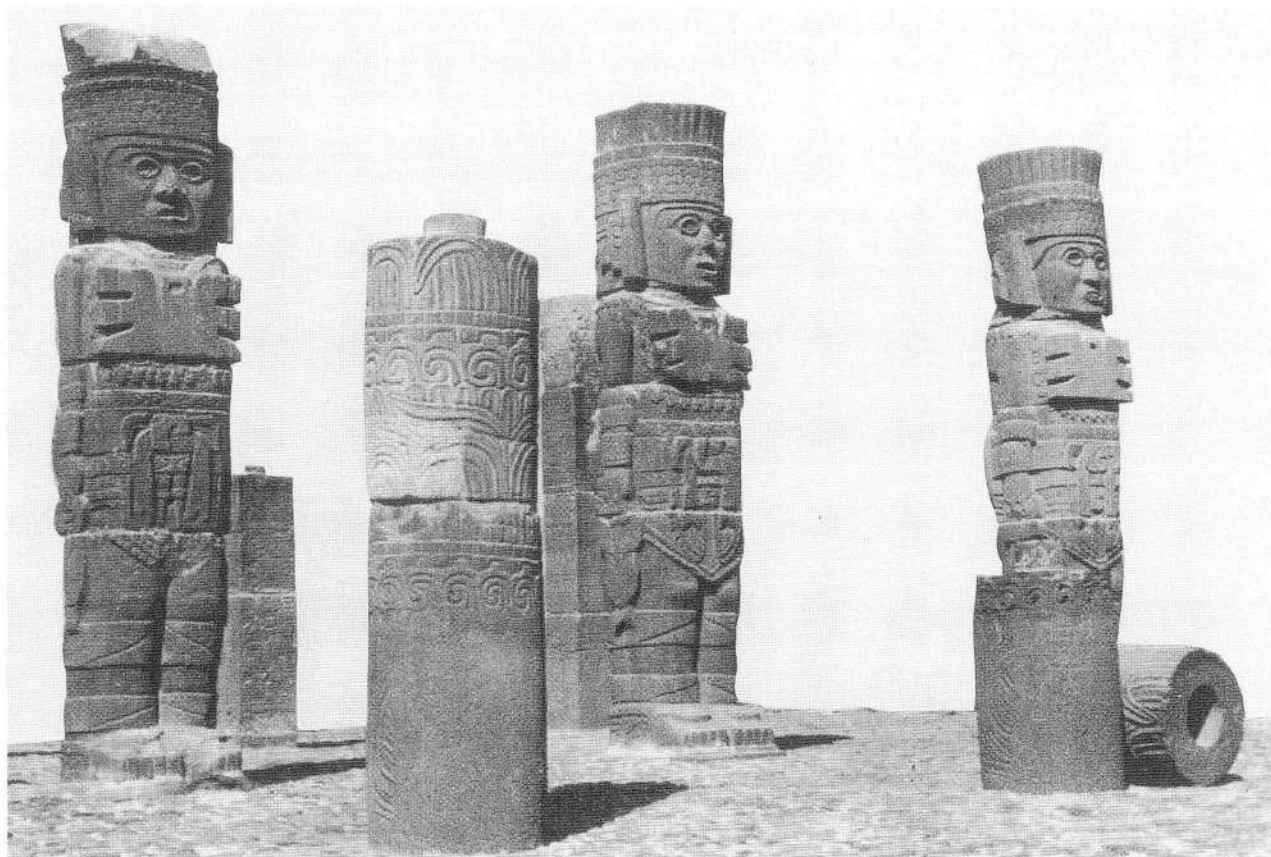

самых злых жеребцов дали учуять кобылу в охоте, и он начал взбрыкивать и бить копытом. Устрашенные вожди немедленно подчинились и на следующее утро принесли дары – золото, одежды и 20 женщин испанцам «в жены». Когда их спросили, откуда это золото, они ответили: «Кулуа» и «Мешико», имея в виду долину Мехико и столицу ацтеков.

Тогда Кортес и его люди решили идти на Мехико, чтобы самим увидеть источник этого богатства. Самым главным из даров потончанских вождей неожиданно оказалась девушка по имени Малиналли, которой еще не исполнилось и двадцати лет. Испанцы прозвали ее донья Марина. Она говорила и на науатле, и на чонтале, так что она могла общаться и с мексиканцами, и с Агиларом и стала ушами и устами Кортеса. Через много лет после Конкисты Берналь Диас напишет: «Донья Марина самая красивая, умная и расторопная из всех... Кортес всюду брал ее с собой в качестве удивительной переводчицы». И добавляет, что она стала любовницей Кортеса и родила ему сына.

Флот вновь пустился в путь и через четыре дня, в Страстной четверг, прибыл к острову Сан-Хуан-де-Улуа, у входа в современную гавань Веракруса. Хотя этот край считался страной тотонаков, тамошние жители являлись подданными Мехико, и сановники, подплывшие на каноэ к испанским кораблям, были мешиками. Пригласив их на борт своего корабля, Кортес сказал им через донью Марину и

Храм Воинов в Толлане (Тула, Идальго), первой столице тольтеков. Предположительно эти фигуры представляют собой изображения либо чичимекского героя Камаштли-Мишкоатля, либо его сына Ке-цалькоатля в облачении бога Утренней Звезды. (Джон Пол)

Агилара, что он пришел как друг, ради торговли и знаний. На следующий день он высадил своих людей на берег и разбил лагерь. В центре поставили алтарь, чтобы отслужить мессу в Страстную пятницу. Постепенно прибывали все новые и новые сановники, и, наконец, в пасхальную субботу лагерь посетил Тентиль, бывший кем-то вроде губернатора, соблюдающего ацтекские интересы в провинции и удерживающего контроль над тотонаками.

Кортес изложил ему свои цели и сказал, что желает встретиться с Монтесумой. Тентиль ответил, что это невозможно. Однако император прислал пришельцам богатые дары – золото, одежду и уборы из перьев. Кортес в ответ послал вещи, неизвестные в Новом Свете, – стеклянные бусы и резное кресло. Его люди показывали правителю свои умения в верховой езде и стрельбе.

Тентиль отбыл и вернулся снова через несколько дней с еще более ценными дарами, среди которых был огромный золотой диск искусной работы, изображающий солнце, и еще один, поменьше, изображающий луну. Уезжая, он позаимствовал европейский шлем и теперь вернул его, наполнив золотым песком. Однако встреча Кортеса с императором была явно невозможна.

Причины, побудившие Монтесуму прислать такие богатые дары, обсуждаются уже почти пять столетий. Пытался ли он откупиться от испанцев, чтобы они ушли? Или он пытался, как то принято на Востоке, поразить пришельцев своими богатством и властью? Но что бы там ни было, его дары лишь воодушевили испанцев и укрепили их в решении добраться до источника этих богатств. Проблема заключалась в том, что испанцы разделились на две партии – сторонников Диего Веласкеса, стоявших за то, чтобы взять уже добытое и вернуться на Кубу, и рядовых, которые не видели никакой выгоды в том, чтобы поддерживать губернатора, но понимали, какие неограниченные возможности откроются перед ними в случае продолжения похода.

Позиция Кортеса была проста. Он победит или умрет. Если он вернется на Кубу, то его ждут заключение или смерть за отплытие вопреки приказу губернатора. Продолжение похода могло поставить его в положение предателя короны – если он не будет опираться на законные полномочия. Его небольшая юридическая практика помогла ему подготовиться к этому. Он отказался от полномочий, данных ему Веласкесом, тем самым разорвав все обязательства перед губернатором, уговорил своих людей создать муниципалитет поселения, названного Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус («богатый город Истинного Креста», который впоследствии перенесли на 40 миль к северу от побережья, заложив там первый постоянный город, ныне разрушенный), и написать прошение королю с просьбой признать новую колонию, назначив Кортеса капитаном и главным судьей. Всю добычу, собранную к тому времени, переписали и погрузили на корабль, на котором представители Кортеса, Алонсо Эрнандес Пуэртокарреро и Франсиско де Монтехо, вернулись в Испанию. Формально это было прошение, а реально – взятка для алчного короля Карла.

В том же лагере испанцев посетили посланники из Семпоалы, главного города тотонаков. Их основная миссия состояла в том, чтобы выяснить потенциал пришельцев как возможных союзников в борьбе против мешикских правителей. Взяв с собой основную часть отряда, Кортес прошел от побережья до города, который некогда был

богат и самостоятелен, а теперь стал данником Мехико. Здесь испанцы впервые увидели великолепную архитектуру и многочисленное население. Увидели они и несоменные свидетельства масштабных человеческих жертвоприношений в храмах.

Тотонаки явно находились на грани мятежа, и Кортес обратил это себе на пользу. По удачному совпадению в города тотонаков прибыли мешикские сборщики дани. Их возмутило то, что испанцев приняли без разрешения, и они за это потребовали в дополнение к обычной дани двадцать человек для жертвоприношения. Кортес убедил тотонаков задержать сборщиков дани, сказав, что испанская корона намерена положить конец этим злоупотреблениям.

Гордых чиновников протащили по улицам с петлями на шеях, одного из них били плетью. Однако ночью они сбежали и вернулись в Мехико с известием о мятеже. Тогда Кортес решился на еще более смелое действие — он приказал свергнуть все идолы в тотонакских храмах, разбить на куски и сжечь. Когда жители города попытались воспротивиться этому, испанцы окружили их вождей и старейшин, и Кортес сказал, что все они будут убиты при первых же признаках враждебности. После такого оскорбления высшей власти и осквернения храмов тотонаки зависели от успехов испанцев без всякой возможности отступить.

После этого тотонаки пригласили испанцев встретиться с их правителем в Семпале. Они видели, на что способны испанцы в бою, и были убеждены, что Кортес — посланник Кецалькоатля, если не сам бог. Тотонаки объяснили, что ацтекская империя с ее Тройственным союзом завоевала их много лет назад и требует тяжелую дань. Это свидетельствовало о недовольстве среди вассалов Монтесумы, и Кортес рассчитывал на существенные преимущества от союза с традиционными прежними врагами ацтеков.

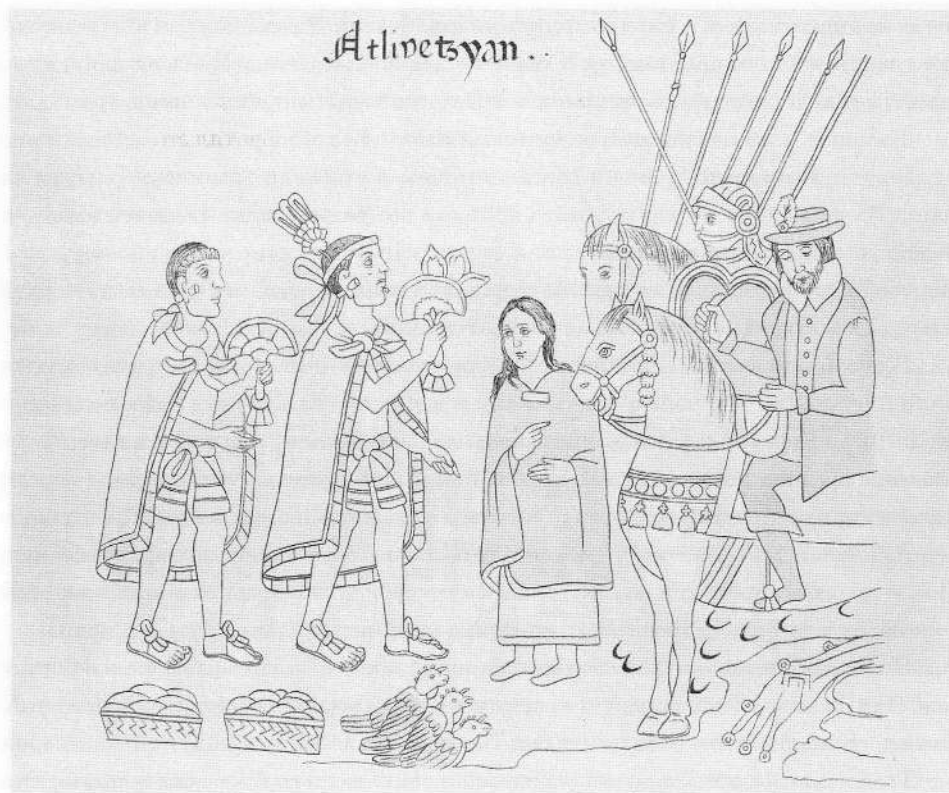
Тотонаки рассказали, что примерно 500 лет назад Кецалькоатль основал Тулу, тольтекскую столицу, расположенную в сорока милях к северу от Мехико. Тольтеки

Тлачиуальтепетль, Холм Идолов в Чолуле, — вполне вероятно, самое масштабное рукотворное сооружение в мире. Возводилось постепенно, между 200 г. до н. э. и 950 г. н. э. Хотя впоследствии восточные науа, населившие город, почитали древние пирамиды, они возвели и новый храм в честь своего бога-покровителя Кецалькоатля в тысяче ярдов к северо-востоку. Именно здесь Кортес, желая предотвратить истребление своих людей, сам учинил резню, приведшую к гибели тысяч жителей Чолулы.

Мы не знаем, было ли вообще завершено строительство Тлачиуальтепетля, однако с большей вероятностью можно предположить, что в то время, когда его впервые увидели испанцы, он представлял собой рукотворную гору с садами и источниками. На его вершине позже построили церковь. От подножия пирамиды поднимались лестницы — на высоту от 960 до 1280 футов (ок. 288 и 384 м). Посетители могут пройти внутрь пирамиды по тоннелям и увидеть разные этапы возведения этого сооружения. (© Филип Бэрд, www.anthroarchart.org)

Кортес встречается с тлаш-
кальтеками, донья Марина
служит ему переводчиком.
(«Льенсо де Тлашкала», рису-
нок 4, Американский музей
естественной истории)

процветали, пока среди них не произошел раскол. Когда соперники Кецалькоатля, Тескатлипока и Уицилопочтли, боги-покровители ацтеков, напоили того пьяным и спровоцировали на инцест, он был опозорен перед своими подданными и покинул Тулу, чтобы провести остаток жизни в скитаниях от города к городу. По некоторым легендам, он основал новый культовый центр в Чолуле. Другие говорили, что он побывал в Оахаке и воздвиг дворцы сапотеков в Митле. Согласно тотонакским легендам, Кецалькоатль впоследствии пришел в их столицу Семпоалу и там то ли умер и стал утренней звездой, то ли уплыл на восток на плоту из змей, пообещав вернуться и возвратить себе свое царство.

Анализируя мезоамериканские легенды о таких героях, как Кецалькоатль, историки пришли к выводу, что поклонение этим героям играло значительную идеологическую роль, когда в постклассический период развития Мексики независимые «королевства» стали объединяться в большие государства. Включение в чужую легендарную историю возвышало идеологию одной группы избранных над мелкими раздорами, препятствовавшими единству и образованию взаимовыгодной коалиции. Поскольку легендарные герои были освящены религиозным ритуалом, их удобно было использовать для возбуждения патриотических чувств. Вследствие этого духовную связь с богами, героями и предками, поддерживавшуюся через их почитание, можно сравнить с национальностью и языковой принадлежностью, которую используют современные общества для определения государства. Тотонаки, восточные науа, миштеки и сапотеки считали себя «детьми Кецалькоатля». Тотонаки посо-

ветовали испанцам искать союзников среди тлашкальтеков, членов конфедерации восточных науа, и дали им в сопровождающие 50 воинов, а также 200 носильщиков, необходимых для переноски припасов и фальконетов на сто миль в глубь материка.

Тлашкальтеки

Прежде чем направиться на запад, Кортесу следовало разобраться с одним неоконченным делом: с растущим недовольством сторонников Веласкеса, которые собирались захватить один из кораблей и вернуться на Кубу. Кортес действовал решительно и повесил одного из их вожakov. Затем он затопил свои суда, сняв с них все, что могло бы оказаться полезным. И теперь у его людей, как и у него самого, оставалось только два пути: победа или смерть.

В середине июня Кортес вышел из Семпоалы и направился в глубь материка. Проходя через город Саутла, он впервые услышал там подробное описание Теночтитлана, вызвавшее у его людей восхищение и страх. Продолжая марш по долине Саутлы, испанцы достигли стены, которая перекрывала долину с запада и отмечала, как им сказали, границу Тлашкалы – конфедерации четырех городов во главе собственно с городом Тлашкалой. Местные жители посоветовали Кортесу держаться подальше от этой страны, потому что тлашкальтеки были смертельными врагами ацтеков. Если они узнают, что испанцы идут на Теночтитлан, то непременно нападут на них. Однако конкистадоры продолжали свой путь, помня советы тотонаков.

Тлашкальтеки, судя по их собственным преданиям, были среди первых чичимекских отрядов, которые вторглись в окрестности Мехико под предводительством Мишккоатля, отца Кецалькоатля. В середине двенадцатого столетия, после падения Толлана, они переселились на восток и основали государство Тлашкала, образовав конфедерацию с Уэшоцинко, Чолулой и еще дюжиной мелких царств от Пуэбло до Оахаки. Страна тлашкальтеков была разделена на четыре четверти, сходящиеся в центре, и власть над этими территориями принадлежала четырем главенствующим городам-государствам, называвшимся Тепетикпак, Куиауицтлан, Окотелолько и Тицатлан. Они располагались в нескольких милях друг от друга, и правители этих государств – *тлатокве* – образовывали правящий совет. Ко времени Конкисты совет возглавлял тлатоани Тицатлана. Но имеются свидетельства о том, что верховенство в совете переходило от одного к другому, и эта система была основана на равном вкладе в политическое, религиозное и экономическое функционирование конфедерации. Несмотря на внешне стабильное централизованное управление, эти тлатокве управляли Тлашкалой на фоне глубоких внутренних трений. Младшие правители – *тетекутин* – часто соперничали друг с другом за наследство, владение землями и доступ к стратегическим ресурсам. Когда до совета дошла весть о появлении испанцев, мнения разделились.

Кортес вступил на территорию Тлашкальтекской конфедерации, выслав на разведку всадников. Пройдя около десяти миль, разведчики столкнулись с передовым отрядом из 15 воинов-тлашкальтеков, которые напали на них с копьями, убили двух лошадей и ранили еще трех, а также нанесли раны двоим всадникам. Вско-

ре к тлашкальтекскому авангарду присоединилось еще от четырех до пяти тысяч воинов. Кавалеристы двинулись атаку и «нанесли им некоторый ущерб». Когда подошла пехота испанцев, тлашкальтеки отступили.

Наутро после беспокойной ночи сражение возобновилось. Кортес оценил численность противника в сто тысяч воинов и до вечера удерживал их артиллерийским огнем, стрельбой из арбалетов и аркебуз, а также кавалерийскими атаками. На закате тлашкальтеки снова отступили. Испанцы отошли к холму, на вершине которого стоял храм, и укрепились там. На рассвете следующего дня Кортес предпринял вылазку, в ходе которой сжег несколько деревень и взял их жителей в плен. В ответ тлашкальтеки атаковали холм, и на этот раз Кортес оценил численность нападающих в 150 тысяч человек. Некоторые из них сумели прорвать линию обороны, и испанцам от стрельбы пришлось перейти к рукопашному бою, противопоставив толедскую сталь острому как бритва каменному оружию туземцев. Кортес продолжил свои ночные вылазки против окрестных деревень. Это, вместе с решимостью испанцев удерживать импровизированный форт любой ценой, было для тлашкальтеков необычным способом ведения войны. В конце концов они запросили перемирия, объяснив, что напали на испанцев, считая их союзниками Теночтитлана. Правители тлашкальтеков сочли долгосрочный союз с испанцами против их общего врага — ацтеков — более выгодным делом, чем удовлетворение от незначительной победы над небольшой группой чужаков. Кортес вскоре понял, что тлашкальтеки не единственные, кто разделяет подобный образ действий. Множество раз в ходе этой кампании испанцы добивались успеха благодаря именно таким внезапным поворотам в отношении к ним индейцев.

Как стало известно испанцам, Тлашкала была со всех сторон окружена владениями правителя Теночтитлана и его союзников и уже почти шестьдесят лет вела непрерывающуюся войну с ацтеками. Как позднее Монтесума сказал Андреусу Та-

Продвижение к городу
Мехико, 1519 г.

Марш на Теночтитлан

Потрепанный в боях испанский отряд идет по долине Тлашкалы вместе с союзниками-индейцами. Хотя легенда, которую поддерживали и сами конкистадоры, утверждает, что Теночтитлан был взят несколькими сотнями испанцев, в этом походе участвовала еще и армия индейцев, насчитывавшая десятки тысяч человек. В июне 1519 г. Кортес выступил из Семпоалы во главе соединенной армии, в состав которой, помимо 300 испанцев, входили 250 тотонаков, исполнявших обязанности как воинов, так и носильщиков: они несли припасы, необходимые для движения по вражеской территории, а также четыре фальконета. После того, как с Тлашкалой был заключен союз, к войскам Кортеса добавились еще две или три тысячи индейцев. Воины из Семпоалы и Тлашкалы стали ядром союзной армии, которую в 1521 г. возглавили

полководцы Чичимекатекатль из Тлашкалы и Иштлильшочитль из Тешкоко. Точное число союзников-индейцев определить не представляется возможным. Кортес сообщает о пятидесяти тысячах тлашкальтеков и исчисляет всю свою индейскую армию в сто пятьдесят тысяч. Его биограф Лопес де Гомара говорит о шестидесяти тысячах воинов из Тешкоко и двухстах тысячах из Тлашкалы, Уэшоинко, Чолулы и более мелких городов. Однако каковы бы ни были точные цифры, именно местные жители обязаны были заниматься снабжением этой армии оружием и припасами, от чего зависит успех любой кампании, а также выполняли инженерные и саперные работы, прокладывая дороги, наводя мосты, валя лес для кораблей и осадных машин. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

пия (конкистадору, написавшему хронику похода в 1545 году), единственной причиной, по которой он, Монтесума, терпел существование этой державы, являлось то, что она являлась удобным полигоном, позволяющим молодым ацтекским воинам приобретать боевой опыт в ходе «цветочных войн» и захватывать пленников для жертвоприношений в Теночтитлане. Экономически Тлашкала также зависела от Теночтитлана, поскольку была бедна ресурсами и мало производила, что вынуждало ее вести обмен со своим более могущественным соседом. Тем не менее она имела

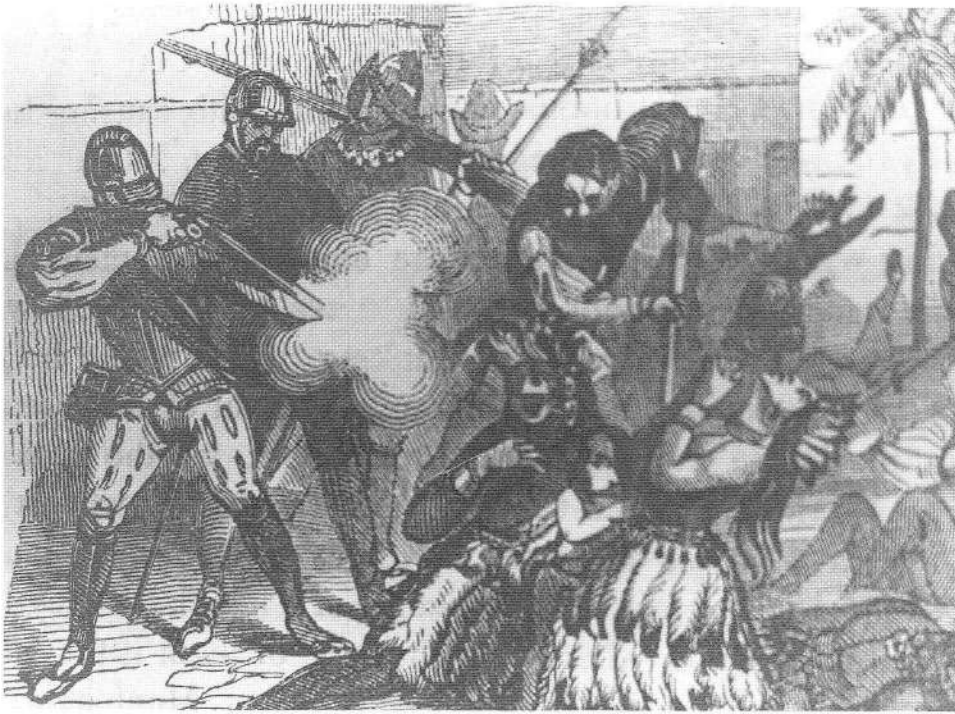
многочисленное и хорошо организованное войско. Осознав значение Тлашкалы как возможного союзника, Кортес уверил ее правителей в дружеских намерениях испанцев. Прибыв в город Тлашкалу, он расположил своих людей и устроил нечто вроде военного лагеря, запретив своим солдатам покидать его пределы без разрешения.

Союз с тлашкальтеками стал поворотной точкой Конкисты, потому что без их армии горстка европейцев и их немногочисленные союзники-тотонаки не смогли бы победить мешиков. Тлашкала оставалась верна этому союзу до конца; на протяжении всего периода колонизации она описывается в испанских источниках как «наиболее лояльная». Благодаря этому современный город и штат пользуются дурной славой в других частях Мексики, особенно в Мехико-сити, где среди местных жителей существует мнение, что их страна была предана Тлашкалой. Однако современные тлашкальтеки в равной степени трепетно относятся к тем причинам, по которым их предки примкнули к Кортесу, и быстро переходят к перечислению обид, нанесенных оным предкам ацтеками.

Чолула и последний рывок на Мехико

По подсчетам Кортеса, он провел в Тлашкале уже двадцать дней, когда мешикские посланники предложили ему возобновить движение и, пройдя примерно 30 миль, прибыть в Чолулу – богатый и густонаселенный торговый город, являвшийся союзником Мехико. Там, как сказали ему, он может подождать извещения о том, примет его Монтесума или нет. Тлашкальтеки были против этой идеи и заявили, что это ловушка. Монтесума, сказали они Кортесу, отозвал свои войска от тлашкальтекских границ, чтобы усилить гарнизон в Чолуле. Главная дорога перекрыта, а обходные пути перерезаны, там выкопаны ямы с острыми кольями на дне, чтобы не пропустить всадников. Тлашкальтеки также обратили внимание Кортеса на то, что из Чолулы не прибыли посланцы, в отличие от других, более удаленных, городов. Кортес, однако, оставался непоколебим. Позднее он признался королю, что причиной его неуступчивости было желание произвести впечатление на самих тлашкальтеков, а также опасение, что любая нерешительность может показаться слабостью. Поэтому он старался убедить всех потенциальных врагов и союзников в непобедимости испанцев. Когда тлашкальтеки поняли, что им не удастся отговорить Кортеса, они настояли на том, чтобы послать с ним 100 тысяч своих воинов. Кортес согласился, однако вблизи Чолулы отправил назад большую часть тлашкальтекского войска, сохранив при себе только пять или шесть тысяч бойцов, которым он, по просьбе чолульцев, приказал оставаться вне города.

Чолула являлась местом паломничества. Во времена Конкисты в ней имелось 365 храмов – по одному на каждый день ацтекского года. Впоследствии на месте каждого из них, как говорят, была построена церковь. Хотя численное соотношение церквей к храмам – вопрос довольно спорный, тем не менее в современной Чолуле определенно больше церквей, чем в любом другом городе Мексики. Теперь, как и тогда, над городом возвышается Тлачиуальтепетль – великая пирамида, самое большое в мире отдельно стоящее строение.

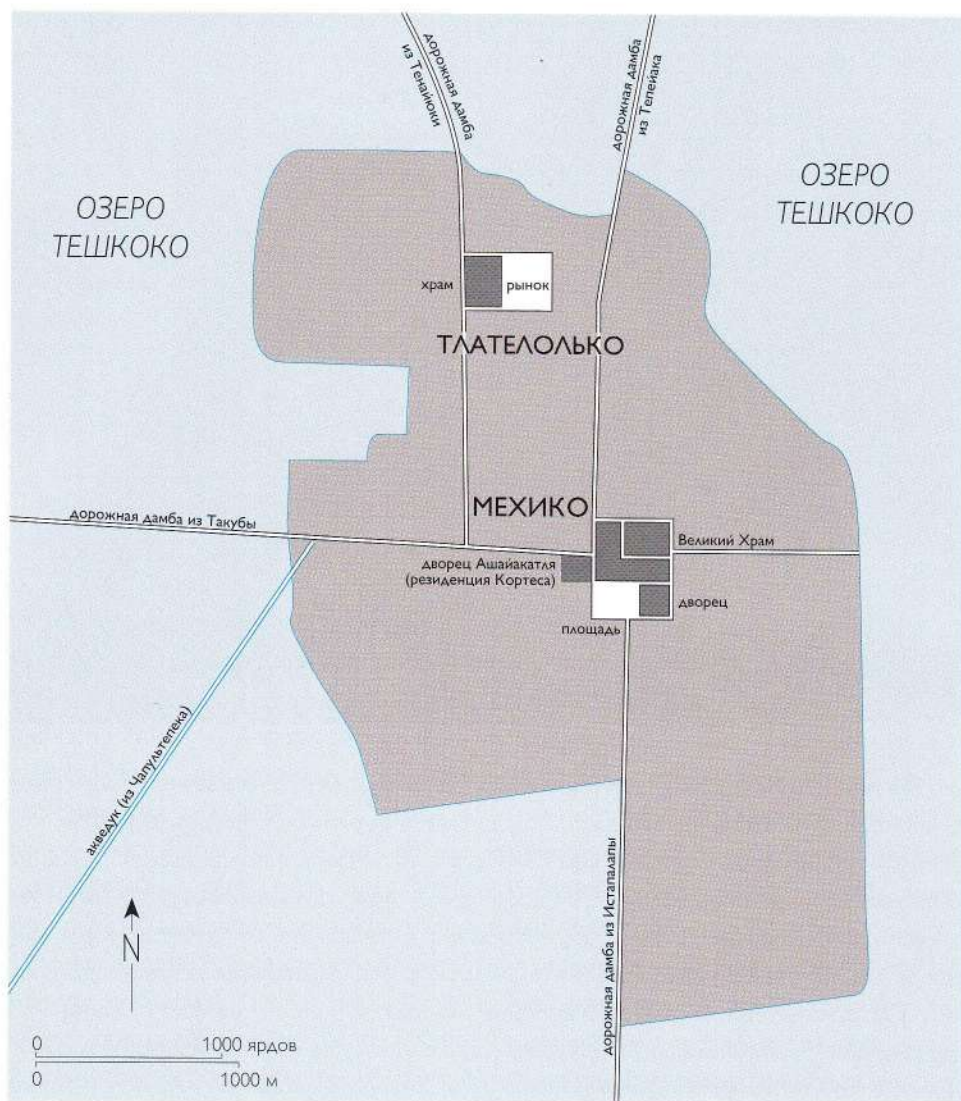

Бойня в Чолуле, по изображению XIX в. (Коллекция Чарльза Робинсона)

Жители Чолулы приветствовали экспедицию пышной церемонией и поселили со всеми возможными удобствами. Тем не менее Кортес подозревал неладное, потому что по дороге он убедился в истинности того, о чем его предупреждали тлашкальтеки. Отношение чолульцев, в свою очередь, тоже сделалось прохладным. В течение трех следующих дней пища постепенно становилась все хуже, а через три дня ее и вовсе прекратили доставлять. Визиты местных сановников тоже сошли на нет. Толпа под стенами здания, в котором поселили испанцев, начала их задирать. Бдительная донья Марина завела дружеские отношения с местной знатью и выведала, что готовится истребление пришельцев. Это подтвердили и тлашкальтекские гонцы, которые наблюдали за развитием событий из своего лагеря.

Кортес пригласил чолульских вождей к себе и, намекнув им, что он знает о готовящемся заговоре, сказал, что ему нужны носильщики для путешествия в Мехико. Когда носильщики прибыли, оказалось, что они хорошо вооружены, — на самом деле это были лучшие из воинов Чолулы. Подозрения перешли в уверенность, и Кортес снова назначил встречу чолульцам, а сам, построив своих людей, сказал им, что когда они услышат выстрел из аркебузы, то должны напасть на чолульцев, собравшихся возле их жилья. Когда чолульские вожди прибыли, их привели во двор и окружили. Некоторых из них допросили, и они сознались, что готовится ловушка. Тогда Кортес дал сигнал, и бойня началась. Разогнав собравшихся возле резиденции, испанцы и тотонаки пошли по городу от дома к дому, убивая каждого, кто мог оказаться воином. Несколько городских жрецов укрылись на вершине Тепанапы, но погибли, когда испанцы подожгли храм. По подсчетам Кортеса, в первые же два часа было убито три тысячи человек.

Город Мехико, 1519 г.
Кортес вошел в город 18 ноября по дорожной дамбе из Истапалапы. В «Ночь Печали» (30 июня – 1 июля 1520 г.) он отступал по дамбе, ведущей в Такубу. Кроме этих дорожных дамб, город пересекало множество каналов, через которые были перекинuty мосты

Когда город погрузился в полный хаос, Кортес привел туда старинных врагов местных жителей – тлашкальтеков и отдал им город на два дня на грабеж и разорение. Те, кто выжил в первых столкновениях, разбежались по окрестностям. Через несколько дней они начали возвращаться в Чолулу, умоляя о прощении. После такого показательного примера для тех, кто мог бы оказать ему сопротивление, Кортес смягчился и позволил выжившим вернуться, пообещав им защиту.

Испанские свидетельства отличаются от ацтекских. Свидетели, со слов которых писал Саагун, утверждают, что бойня была начата тлашкальтеками, и не упоминают о заговоре чолульцев. Это весьма сомнительно, учитывая, какое предпочтение Кортес отдавал дипломатии, оставляя оружию роль последнего довода. Как бы там ни было, известие об этой бойне потрясло Монтесуму и его приближенных. Все обернулось не так, как они рассчитывали. Монтесума хотел, чтобы чолульцы уничтожили испанцев, но Кортес опередил его и ударил первым. Император снова по-

слал Кортесу дары; на этот раз среди посланцев был двойник, который мог сойти за императора при встрече с Кортесом.

Пока придворные волновались, Кортес готовился к последнему броску на Мехико. Из Чолулы можно увидеть на горизонте два гигантских вулкана, Попокатепетль и Иштакиуатль (Истаксиуатль), каждый высотой более 17 тысяч футов. Оба они возвышаются над западными горами. Попокатепетль, который пробудился к активности в конце 1990-х годов, в 1519 г. тоже был действующим, и Кортес послал туда группу солдат на разведку. Поднявшись на 13 тысяч футов, они обнаружили проход между горами и узнали от местных индейцев, что от этого прохода в долину Мехико ведет хорошая дорога. Разведчики попытались взойти на гору, но вскоре им пришлось повернуть назад из-за ветров, несущих с собой облака пепла, а также ледников и сотрясений почвы. Однако они принесли с собой лед и снег, чтобы подтвердить наличие таковых в тропическом климате.

Когда экспедиция вышла из Чолулы, прибыло еще одно посольство, которое предложило проводить испанцев до Мехико по другой дороге. Тлашкальтеки, однако, не скрывали подозрений, потому что предложенный маршрут вел через пустынную местность, превосходно подходящую для засады. Разбив лагерь, Кортес послал разведку по указанному посольством маршруту, а также отправил Диего Ордаса в сопровождении тлашкальтекских воинов разведать дорогу через перевал. Первая группа разведчиков вернулась с сообщением, что предложенный маршрут непроходим. День спустя вернулся Ордас с тлашкальтеками и рассказал невероятную историю. Впоследствии Алонсо де Агилар писал, что Ордас «увидел еще один Новый Свет с большими городами и башнями, а также море, и что среди моря стоял большой город, вызывавший страх и благоговение». Это и была богатая и могущественная ацтекская столица Теночтитлан, расположенная на острове посреди озера Тешкоко.

Спустившись на равнину, испанцы прошли через несколько покоренных ацтеками провинций, практически все правители которых жаловались на угнетение. Кортес разослал по этим городам и провинциям своих посланников и заключил союзы. Ему стало совершенно очевидно, что пришельцев рассматривают как освободителей или хотя бы как меньшее из зол. Ацтекская империя разваливалась на части, поскольку многолетняя обременительная дань и жестокость, ранее обеспечившие

В годы, предшествовавшие появлению испанцев, было множество предзнаменований в виде редких небесных явлений, которые истолковывались, как знак грядущих бедствий. (Иллюстрация Джона Пола из «Флорентийского кодекса»)

ей величайшую власть, теперь работали против нее. В Уэшоцинко Кортеса предупредили, что Монтесума позволит им войти в город, а затем перебьет, отрезав им все пути к отступлению. Аналогичные предупреждения Кортес получал отовсюду.

По дороге испанцы встретили посольство, в котором находился двойник Монтесумы и которое доставило дары ценою более трех тысяч песо. Двойник, вначале принятый Кортесом за брата ацтекского императора, представился как Монтесума. Но, посоветовавшись с глашатайками и тотонаками, Кортес сообщил ему, что все знает. Он сказал посланцам, что его король в Испании лично приказал ему посетить ацтекскую столицу, встретиться с Монтесумой и затем донести об этом, и он не может не исполнить королевского поручения. Поход был продолжен, посланцы с позором вернулись к императору и доложили ему обо всем.

Обитатели Мехико, со слов которых Саагун писал свои хроники, рассказывали историю, наглядно показывающую, насколько сильно эта последовательность событий подорвала дух ацтеков. В последней отчаянной попытке избежать неминуемого Монтесума послал заклинателей, дабы они попытались колдовством отпугнуть прочь испанцев. Однако по дороге заклинатели встретили странника, который, казалось, был вне себя от ярости. «Чего Монтесума хочет добиться, выступая против испанцев? Он осознал наконец, что они намереваются лишить его царства и всего, чем он владеет, и даже гордости из-за того угнетения, которое он проявлял по отношению к своим подданным! Он правил не как владыка, а как тиран и предатель!» Заклинатели в ужасе слушали обвинения этого человека. «Обернитесь и взгляните на Мехико и на то, что произойдет с этим городом вскоре!» Повинуясь, они оглянулись и узрели, что город объят пламенем. Когда же они попытались что-то сказать, странник исчез. Тогда они осознали, что это был Тескатлипока, верховное божество ацтеков. Зная, что они обречены, равно как и их город, заклинатели отказались от своей миссии. Выслушав их рассказ, Монтесума понял, что боги покинули его и что он остался совсем один. Он начал приготовления к приему испанцев в своей столице.

То, почему Монтесума не послал против испанцев свое многочисленное войско, которым он располагал, и не уничтожил их, всегда было предметом споров. Одна теория состоит в том, что после того, как Кортес успешно разгромил ацтекских союзников и посадил на трон Чолулы нового правителя, противостояние ему со стороны Монтесумы могло вызвать волнения среди противоборствующих кланов в его собственных владениях, особенно областей вокруг Чалько — царства, некогда союзного Глашкале, которое вошло в состав империи отнюдь не мирным путем. Другая теория гласит, что большинство молодых воинов, входивших в состав императорской армии ацтеков, происходило из крестьян, основных поставщиков продовольствия для города. Поэтому армию можно было собирать только в сухой сезон, длящийся с ноября по май, когда на полях не ведутся никакие работы. В пользу этой теории свидетельствуют хроники Юкатанской войны 1847 года. В какой-то момент город Мерида был окружен, и губернатор уже думал о его эвакуации, когда силы повстанцев отступили, внезапно и необъяснимо. Впоследствии выяснилось, что мятежные крестьяне-мая увидели первые дождевые облака, знаменовавшие собой смену сезонов, и сочли это знаком вернуться по деревням и сажать маис, от которого

Современный портрет уэй тлатоани в бирюзовой короне и синем плаще правителя. Как пишет Берналь Диас дель Кастильо, «Мотекусома в это время было лет под сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, хотя и несколько худ. Цвет кожи куда более светлый, нежели у прочих индейцев. Волосы не длинные; лишь над ушами, прикрывая их, оставлены были два пучка, которые курчавились. Борода негустая, черная. Лицо продолговатое, открытое, а глаза, очень выразительные и красивые, могли быть и серьезными, и шутливыми». (Иллюстрация Скотта и Стюарта Джентлингов)

зависела их жизнь, хотя это отступление означало, что им придется отказаться от долгожданной победы. Но каковы бы ни были истинные причины, Монтесума ясно сознавал свое огромное превосходство в тот момент, когда он пригласил испанцев в Теночтитлан. Хотя это приглашение являлось временным компромиссом, в свете тогдашней политической ситуации оно представлялось логичным решением.

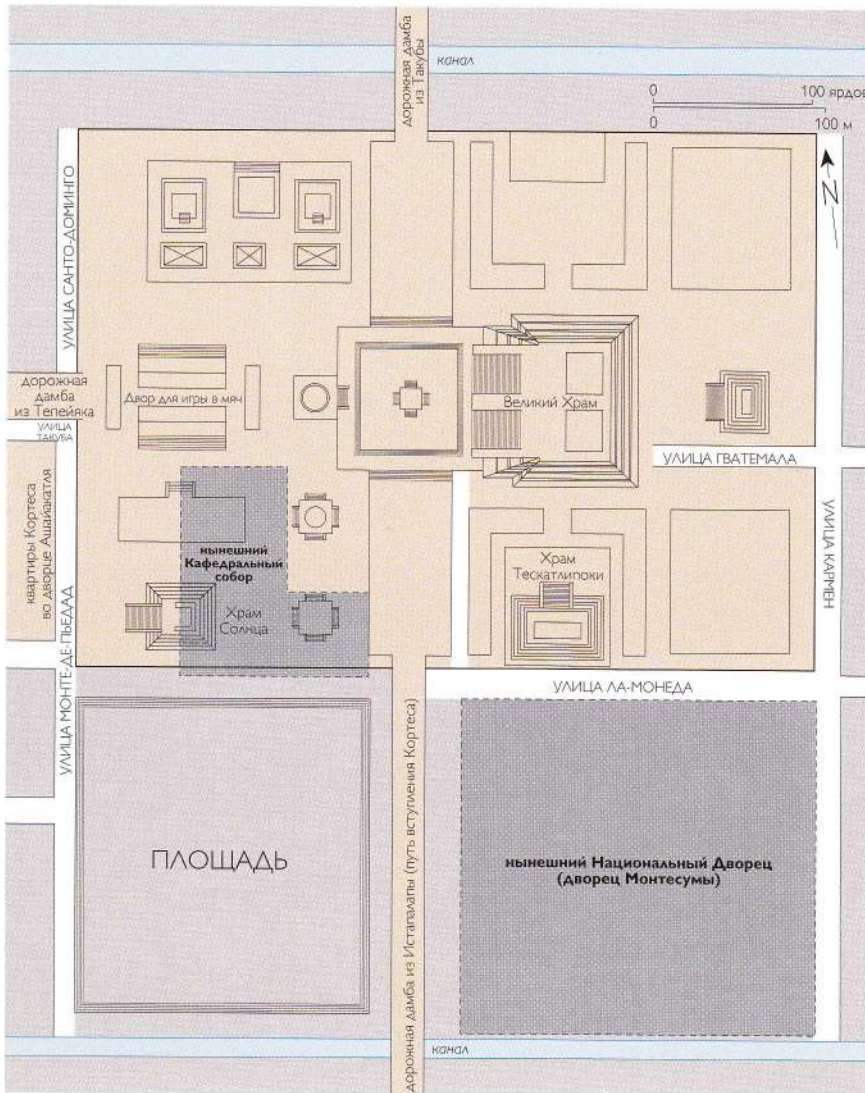
В Айотсинго испанцев встретил родич Монтесумы Какама, правитель Тешкоко. Он прибыл с великолепиям, подобающим правителю Тройственного союза: в носилках, которые несли правители восьми подвластных ему городов. Встретившись с Кортесом, он объявил, что послан, дабы лично проводить его в город Теночтитлан. После обмена дарами Какама, его свита, испанцы и их союзники выступили в путь, прошли по большой Куитлауакской дамбе, разделявшей озеро Чалько и озеро Шочимилько, а затем проследовали к Истапалапе, лежащей на берегу озера Тешкоко. Там их встретили с дарами правители Истапалапы и Койоакана. Проведя ночь на берегу, процессия вступила на Истапалапскую дорожную дамбу, ведущую в столицу. В своей «Правдивой истории» Берналь Диас так описывает эту сцену:

«...дальше шли мы по дорожной дамбе шириной в 8 шагов, ведущей прямоком в город Мехико. Но несмотря на такую ширину, ее заполняло множество людей, одни из которых направлялись в Мехико, а другие – выходили из него. Мы продвигались с трудом, потому что индейцы, прибывшие, чтобы посмотреть на нас, толпились на башнях и *cues* [храмах] и приплывали на лодках-каное со всех

сторон озера, и это было неудивительно, поскольку они никогда не видели ни лошадей, ни людей таких, как мы. С каждым шагом восхищение наше росло, а язык немел от удивления. На суше там имелись большие городские строения, и на озере – множество других. Мы видели, что все озеро покрыто лодками, а через промежутки в дамбе проложены многочисленные мосты. Перед нами находился великий город Мехико, а нас было лишь 400 солдат, – и вспомнились нам наставления и предостережения людей из Гуашосинко [Уэшоцинко], Тлашкалы, Таманалько и многих других, предупреждавших, чтобы мы не входили в Мехико, где нас могут перебить».

Какама и другие индейские вожди отправились вперед, чтобы подготовить все к встрече Кортеса и Монтесумы. Сам император прибыл в носилках вместе со своим братом Куитлауаком и сопровождающим его Какамой. Еще две сотни представителей знати составляли его свиту, и все они отводили глаза, потому что им было запрещено смотреть Монтесуме в лицо. Перед Монтесумой развернули ковер, и он сошел на него, поддерживаемый под руки двумя принцами, в то время как прислужники мели дорогу перед ним, дабы он не ступал в пыль. Кортес хотел было обнять его, но принцы жестами показали, что это невозможно. Они, однако, позволили Кортесу снять с шеи ожерелье из стеклянных бус и жемчужин, надушенное мускусом, и надеть его на императора. Монтесума подозвал слугу, который принес сверток, тут же развернутый императором. Внутри было ожерелье из красных витых раковин вперемешку с золотыми самородками, и император собственноручно надел его Кортесу на шею, к удивлению своих придворных. После обмена приветствиями Монтесума приказал Какаме и Куитлауаку показать испанцам, где они будут жить. Дорожная дамба из Истапалапы вела к самому сердцу города, являвшемуся тогда, как и сейчас, его административным и духовным центром. Там находилась большая площадь, которая сейчас называется Сокало, где в дни праздников и событий государственного значения по-прежнему собирается множество народа. В то время на восточной стороне площади, на месте нынешнего Национального дворца, стоял императорский дворец Монтесумы. На северной стороне площади начиналась территория храма, которую сейчас частично занимает столичный Кафедральный собор; напротив него находятся развалины самого Великого Храма. Испанцам предоставили дворец отца Монтесумы, Ашайакатля, расположенный к западу от нынешнего собора и к северу от современного Монте-де-Пьедад (Государственного ломбарда). С севера от этого дворца проходила Такубская (или Тлакопанская) дорожная дамба, которая сыграла значительную роль в последующих событиях.

Монтесума ждал прибытия испанцев во дворце Ашайакатля. Взяв Кортеса за руку, император подвел его к трону, а сам сел на другой трон, стоявший рядом. Внесли дары – золото, серебро, изделия из перьев и одежду из хлопка. Затем Монтесума стал рассказывать историю своего народа и пояснил, что ацтеки сами были пришельцами, которых привел в эти земли великий вождь. Однако, когда этот вождь захотел двигаться дальше, ацтеки отказались. Тогда он ушел на восток, но ацтеки всегда знали, что его потомки вернуться, чтобы править ими. И теперь, похоже, предска-

Окрестности Великого Храма в Теночтитлане

ние исполнилось. «И во всех землях, подвластных мне, ты можешь приказывать, что тебе угодно, и тебе будут повиноваться, и все, чем мы владеем, ты можешь взять себе по своему выбору», – заявил Монтесума Кортесу. Далее он сказал, что ему известно, какие истории рассказывают о нем тлашкальтеки, тотонаки и другие, и предупредил Кортеса, чтобы тот не принимал их всерьез. Затем, объявив испанцам, что они могут располагаться в его столице, как дома, император отбыл из дворца Ашайакатля.

Испанцы тут же принялись обустраивать свое жилище, устанавливая артиллерию и назначать посты для пехоты и всадников. Покончив с этими делами, они обнаружили, что мешиками приготовлен для них великолепный пир, и немедленно приступили к трапезе. «И вот таким было наше дерзкое и отважное вступление в город Теночтитлан на восьмой день месяца ноября в год от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа 1519-й. Благодарение Господу нашему Иисусу Христу за все это», – писал Берналь Диас.

СРАЖЕНИЯ

Обустройство

Следующие несколько недель испанцы изучали город. Они были хорошо устроены, их снабжали хорошей пищей, они привыкали ко вкусу новых странных яств, таких как взбитый в пену шоколад (это слово происходит от науатльского «шоколатль»), маисовые лепешки и перцы чили. Они часто обедали вместе с императором, который развлекал их танцорами, жонглерами и шутами, а после трапезы сам приглашал своих чужеземных гостей покурить. Они посещали зверинцы, где содержались незнакомые им представители местной фауны, такие как прекрасная птица кецаль, чьи длинные перья украшали прически всей ацтекской знати, ягуары и койоты (принятые Берналем Диасом за шакалов). Европейцы нашли довольно-таки омерзительным вид змеи, «имевшей на хвосте что-то вроде погремушки» – так они охарактеризовали впервые увиденную ими гремучую змею. Диас описал зверинец

Ацтекский календарный камень из экспозиции Национального музея антропологии в Мехико. (Topfoto/The Image Works)

План города Теночтитлана, приписываемый Кортесу. Нарисован Альбрехтом Дюрером и впервые опубликован в Нюрнберге в 1524 г. Несмотря на европейские условности в масштабировании, он удивительно точен. На нем обозначены главные церемониальные храмы и дороги. (Американский музей естественной истории)

с изрядным отвращением, поскольку счел, что всех этих животных кормили сердцами и плотью жертв.

Испанцы осмотрели Великий Храм – массивную пирамиду, увенчанную двумя святилищами, одно из которых было посвящено Уицилопочтли, ацтекскому богу войны, а другое Тлалоку, когтистому и пучеглазому богу дождя, тысячелетиями переходившему по наследству от одной мезоамериканской культуры к другой. В святилищах находились идолы, покрытые, по свидетельству Андреса Тапия, слоем застывшей крови толщиной в два или три пальца. Перед храмом находился *цомпантли* – гигантское хранилище голов принесенных в жертву людей; головы эти были развешены на брусках между двумя опорными башнями из человеческих черепов, скрепленных известковым раствором. Посетив цомпантли, Тапия и Гонсало де Умбрия занялись подсчетом и умножением и определили, что на одних только брусках находилось 136 тысяч черепов.

На четвертый день Монтесума пригласил испанцев сопровождать его в Тлателолько – торговый центр империи. Основанное ацтеками на раннем этапе развития их цивилизации, это поселение оставалось независимым до 1473 г., когда его захватил и подчинил Теночтитлану отец Монтесумы, император Ашайакатль. Однако

НА РАЗВОРОТЕ:

Индийское изображение Великого Храма и его цомпантли (хранилища черепов). Храм произвел на испанцев сильное впечатление, а практику жертвоприношений они сочли отвратительной. (Опубликовано с любезного разрешения библиотеки Джона Картера Брауна, Брауновский университет)

Templo del ydolo Vitzilo
puesili.

Тлателолько сохранил контроль над торговлей, и в нем имелся собственный комплекс Великого Храма, соперничавший с теночтитланским.

Рыночная площадь, которую почти каждый испанский хронист описывал как вдвое превосходящую по площади огромную площадь в Саламанке, была окружена портиком. Каждый день по меньшей мере двадцать тысяч человек продавали здесь и покупали различные товары, а в главные рыночные дни (то есть в каждый пятый день) это количество народа удваивалось. Для каждого вида товаров выделялась собственная территория. В одном месте были собраны торгующие золотом, в другом – продавцы изделий из перьев, в третьем – резчики по камню, а далее – торговцы рабами, хлопком, лекарствами, бойцовыми животными и прочими воображаемыми и невообразимыми товарами. Средствами расчета служили стержни перьев, наполненные золотым песком до определенного веса, или какао-бобы. Некоторые из испанских ветеранов, побывавших в Константинополе, говорили, что они в жизни не видели столь большого и прекрасно устроенного рынка. Над рынком возвышался Великий Храм Тлателолько. Берналь Диас насчитал 114 ступеней, ведущих на пирамиду, с вершины которой открывался вид на весь город. С берега к городу, расположенному на острове, вели три дамбы с проложенными по их гребню дорогами и с мостами через равные промежутки. От Чапультепека тянулся акведук, снабжавший город свежей водой. Сам город разделялся на части каналами, которые можно было пересечь по убираемым мостам или на каноэ. В свете последующих событий следует предположить, что Кортес примечал все мелочи и сохранял все увиденное в памяти.

По просьбе Кортеса Монтесума провел испанцев внутрь святилища, в котором высились изображения Уицилопочтли, верховного бога Тескатлипоки и бога урожая Шипе Тотека. Диас пишет:

«Все стены этой молельни, так же как и ее полы, были темными от покрывавшей их запекшейся крови, и стояла такая ужасная вонь, которой не знали даже бойни Кастилии. И имелось у них там пять сердец, принесенных в тот день в жертву... И находился там барабан огромных размеров, который, когда по нему били, издавал унылый звук, слышимый на расстоянии в две лиги и походивший, как они говорили, на звучание инструмента из их преисподней; они сообщили, что кожа этого барабана сделана из больших змей. Тут же находилось и множество других вещей дьявольского вида – горны и трубы, всякие жертвенные ножи из камня, множество обгорелых, сморщенных сердец индейцев. И всюду – кровь и кровь!»

Обратившись к императору, Кортес сказал, что не может себе представить, как такой великий и мудрый правитель не понимает, что это не боги, а демоны. Для того чтобы Монтесума и его жрецы поняли истинную природу идолов, Кортес попросил разрешения разместить крест на вершине святилища, а в нем самом поставить статую Девы Марии, «чтобы вы могли увидеть, как идолы испугаются ее».

Когда эту речь перевели, оба жреца недобро посмотрели на Кортеса, а Монтесума в ярости ответил: «Владыка Малинче, если б я поверил, что ты можешь говорить

с таким нечестием о моих богах, я не привел бы тебя сюда. Мы поклоняемся им, потому что они добры, они дают нам здоровье, дожди и хороший урожай, смену сезонов и победу, когда мы хотим этого, а от нас требуется почитать их и приносить жертвы. И мы молим, чтобы ты более не хулил их». Улыбнувшись, Кортес предложил возвращаться. Монтесума согласился, но ответил, что он останется, чтобы помолиться и принести жертву, испрашивая у богов прощения за то, что он привел сюда испанцев. «Если так, – сказал тогда Кортес, – я прошу прощения у повелителя».

Император, однако, был менее упрям в том, что касалось религии испанцев, и дал им разрешение устроить в их резиденции часовню. Когда отведенную под часовню комнату осмотрели, плотник заметил в ней дверь, которую некогда заложили камнем и заштукатурили. Кортес приказал открыть ее. За дверью оказалось обширное помещение, содержащее богатства империи, накопленные в ходе завоеваний. После краткого совещания Кортес и все присутствующие решили вновь заложить дверь, чтобы Монтесума не узнал об их открытии.

Пленение Монтесумы

Кортес и некоторые из самых опытных его капитанов и солдат были обеспокоены. Мощь и сила ацтекской империи и ее сказочные сокровища произвели на них глубокое впечатление. Город стал казаться им ловушкой. Монтесума мог прекратить доставку им воды и продовольствия, поднять мосты и послать на них неисчислимое количество воинов. Их страхи получили подтверждение, когда гонцы с побережья принесли известие о мятеже, поднятом мешиками против гарнизона в Вилья-Рике. Тлашкальтеки подтверждали, что Монтесума планирует поднять в городе мосты. Кортес решил, что пришло время действовать. Взяв с собой группу вооруженных солдат, он явился к императору, обвинил его в предательстве и взял под стражу. Монтесума спорил около часа, но, подавленный личностью Кортеса и неприкрытыми угрозами от доньи Марины, он неохотно согласился и был препровожден в резиденцию испанцев во дворце Ашайакатля. Народу дали понять, что Монтесума избрал этот дворец своим местом пребывания, Кортес не стал вмешиваться в дела управления, но поместил сановников под охрану и надзор доньи Марины.

Монтесума призвал в Мехико управляющего провинцией Пануко Куальпопоку, подстрекавшего ацтеков к мятежу. В середине декабря Куальпопока прибыл в богатых носилках и в сопровождении своих сыновей и пятнадцати представителей знати и тут же был арестован и вместе со своей свитой отдан в руки Кортеса, который приказал допросить их под пыткой. Они признались и дали показания против Монтесумы. Затем их сожгли на костре посреди площади, и, как писал Лопес де Гомара, жители города смотрели на это молча, слишком напуганные, чтобы вмешиваться. Кортес приказал заковать Монтесуму. Становилось все более очевидным, что испанцы совершенно запугали Монтесуму, однако повлиять таким же образом на других вождей не удалось. Ведущей фигурой среди них был Какама, правитель Тешкоко, второго по силе члена Тройственного союза. С самого начала он убеждал Монтесуму оказать сопротивление испанцам, а когда стало ясно, что он в этом не

Карл V и Америка

После смерти короля Фердинанда в 1516 г. арагонская корона и регентство Кастилии перешли к его внуку, шестнадцатилетнему Карлу, привезенному из Фландрии. Приехав в страну, которую он никогда не видел, обычаев которой не понимал и на языках которой не говорил, Карл настоял на том, что ему принадлежит не только регентство Кастилии, но и кастильская корона. Итак, первым королем объединенной Испании стал иностранец, который положил начало испанской ветви австрийской династии Габсбургов.

Карл был невысок ростом, с бледным лицом. Его портреты, даже самые льстивые, не могут скрыть длинного подбородка и оттопыренной нижней губы, фамильных черт Габсбургов. Он владел несколькими языками, но говорил так медленно, что речь его казалась бессвязной. Иными словами, он не походил на воинственных королей, которые творили кастильскую историю и соответствовали запросам испанцев.

В Испании Карл нашел страну, едва сводящую концы с концами, и суровый двор. Хотя эта суровость и породила конкистадоров, которые впоследствии завоюют Карлу невообразимую империю, в то время вся эта империя состояла лишь из нескольких вест-индских островов, не приносивших практически никакой пользы и мало интересовавших нового короля.

В начале 1519 г. Карл узнал, что его дед Максимилиан умер, и началась борьба за освободившуюся корону Священной Римской империи. Среди претендентов были дядя его жены Генрих VIII и король Франции Франциск I. Поставив себе цель любой ценой получить императорскую корону, Карл подкупил электоров неслыханными взятками и добился своего. В ходе этого он наделал огромные долги, которые предстояло выплатить Испании. Карл I Испанский стал Карлом V, императором Священной Римской империи. Отныне в Испании наступили времена небрежения, поскольку король-император занимался делами своих германских владений. В последующие два столетия интересы Испании часто оказывались подчинены интересам центральноевропейских Габсбургов. Испания, однако, тащила эту экономическую ношу, растрачивая впустую богатства, захваченные Кортесом и ему подобными.

В конце 1519 г. Карл объезжал свои испанские владения, уже находившиеся тогда на грани мятежа. Кругом раздавались жалобы на непредвиденные долги, ужесточение центральной власти, пренебрежение испанскими обычаями и традициями со стороны назначенных королем-императором фламандцев, возмущение вызывало также намерение Карла отбыть в следующем году в Германию для коронации. В разгар этих волнений в Севилью прибыли Франсиско де Монтехо и Алонсо Эрнандес, которые собирались изложить королю дело Кортеса и привезли первый груз сокровищ из Мексики вместе с тотонакским посольством. Их корабль был реквизирован вместе с грузом, и сокровища оказались в Каса-де-Контратасьон, королевской финансовой службе, отвечавшей за дела обеих Индий. Затем Карл велел передать сокровища в казну. Он торопился покинуть Испанию. Недовольный волнениями среди его испанских подданных, Карл опасался, что только что

Портрет Карла V из Национального исторического музея

установленный сюзеренитет над Германией пошатнется. Тем не менее, спеша пересечь Испанию и попасть в порт Корунья на северном побережье, оттуда ему предстояло отплыть в Германию, он нашел время принять при дворе посланцев Кортеса Монтехо и Пуэртокарреро. Они подали королю прошение об официальном признании экспедиции Кортеса, а также просьбу о возвращении корабля и его груза и поставке необходимых припасов. Третьего марта 1521 г. привезенные сокровища продемонстрировали при дворе, и прибывшие с посланцами тотонаки предстали перед королем и кортесами кастильского парламента (испанское слово *cortes* означает «двор», в то время как фамилия Кортеса пишется через «е» с акцентом и означает «куртуазный, учтивый»). Индейцы поразили короля Карла, и он приказал относиться к ним со всем возможным вниманием.

Однако Монтехо и Пуэртокарреро были не единственными представителями Нового Света при дворе. По пути в Севилью они останавливались для пополнения припасов на Кубе, и губернатор Диего Веласкес узнал о том, что на борту их корабля находятся сокровища. В апреле 1519 г. посланец Веласкеса Панфило де Нарваэс вернулся из Испании и привез губернатору Кубы лицензию на завоевание Юкатана и того места, где предположительно находилось Мехико. Теперь же, узнав, что Кортес опередил его, Веласкес отправил Нарваэса в злополучную миссию – положить конец экспедиции Кортеса, а также собрать слухи и свидетельства и послал своих представителей в Испанию с донесением.

Представители Веласкеса оспорили прошение Монтехо и Пуэртокарреро, апеллируя к тому, что Кортес, не будучи верноподданным, является не более чем пиратом и предателем. Однако их усилия пропали втуне. Кортесы, несомненно, впадшие в соблазн при виде сокровищ, согласились отложить решение по этому делу, пока не будут заслушаны обе стороны (а тем временем дожидаться, преуспеет ли Кортес или потерпит поражение). Некоторые советники зашли так далеко, что предлагали отправить Веласкеса в отставку. Что важнее, корабль, на котором прибыли Монтехо и Пуэртокарреро, был вместе со своим грузом освобожден из-под ареста, и мексиканская добыча использована для закупки необходимых припасов и того, в чем нуждался Кортес. Через несколько дней король отбыл в Германию. Тотонаков, которые начали страдать от климата северной Испании, отправили обратно в Севилью. Один из них умер, а остальные вернулись в Америку, хотя, видимо, не дальше, чем на Кубу.

Для короля экспедиция Кортеса была не единственным заморским предприятием. Его убедили поддержать экспедицию Фердинанда Магеллана, португальца на испанской службе, который отплыл из Испании в 1519 г. на пяти кораблях, чтобы все-таки осуществить план Колумба и добраться до Восточных Индий западным путем. Магеллан открыл пролив у южной оконечности Южной Америки, переплыл Тихий океан и высадился на Филиппинах в 1521 г. Там он погиб в бою с туземцами. Его помощник, Хуан-Себастьян дель Кано, продолжил экспедицию и вернулся в Испанию с одним кораблем и 18 людьми. И хотя дель Кано, как первый человек, обогнувший земной шар, получил в награду дворянский герб и пенсию, Карл V едва ли оценил значение этой экспедиции, еще менее уделяя внимания таким «незначительным»

вещам, как исследование и завоевание новых земель. Но Карл куда не мог деться от перемен, произошедших в его собственном застывшем мире под влиянием Нового Света. Открытие Колумба поставило под вопрос копившиеся тысячелетиями знания. Он обнаружил не только неизвестный континент, но и населявших его людей. Колумб, видевший себя подлинным Христофором («Несущим Христа»), ожидал встречи с азиатами, которых считали людьми с бессмертными душами, и потому достойными спасения души. Индейцы Нового Света, однако, тысячелетиями были изолированы от остального мира. Они не походили ни на один из народов Старого Света. В связи с этим возник вопрос, являются ли они людьми или всего лишь высокоразвитыми животными, способными подражать людским обычаям, строить жилища и создавать вещи. Считая их людьми (в чем многие европейцы сомневались), некоторые конкистадоры полагали их низшей расой, неспособной к цивилизации, и что души представителей этой расы не подлежат спасению. И потому, с точки зрения новопоселенцев, индейцев можно было угнетать и грабить.

Однако существовали и те, кто утверждал, что индейцы – дети божьи и обращаться с ними надлежит исходя из этого. К числу наиболее воинствующих поборников этой точки зрения относился Бартоломе де Лас Касас. Прибыв в Вест-Индию в 1502 г., Лас Касас проявил себя как обычный авантюрист-махинатор. Он приобрел копи и земельные участки, на которых неустанно трудились его рабы-индейцы, а затем принял участие в завоевании Кубы, где получил еще владения и рабов. Однако в 1514 г. сорокалетний Лас Касас осознал, что он и его земляки причиняют страдания индейцам, и посвятил остаток своей жизни (а прожил он 92 года) их защите.

Вернувшись в Испанию, Лас Касас встретился с Карлом V, который, будучи убежден его аргументами, разрешил основать утопические индейские коммуны на венесуэльском побережье. Этот план провалился, и Лас Касас вернулся на Санто-Доминго, где начал работать над обширным сочинением, являвшимся отчасти исторической хроникой, отчасти пророчеством и отчасти фантазией. Сей труд под названием «*Brevisima relacion de la destruction de las Indias*» («Краткий отчет о разрушении Индий») получил широкую известность в Европе. Переведенный (с приукрашиваниями) на английский и голландский языки, он послужил основой пресловутой «черной легенды» о преступлениях испанцев, отзвуки которой и поныне портят отношения между англоязычными и испаноязычными мирами.

В дальнейшем, посещая Испанию, Лас Касас продолжал давать советы Карлу V. Его доводы в спорах с королем-императором получили дополнительное подкрепление в 1537 г., когда папа Павел III издал буллу «*Sublimus Deus*», в которой объявил индейцев достойными спасения души детьми божьими. Карл издал свод законов, касающихся покорения и колонизации Нового Света. Этот кодекс, известный как Новые Законы, смягчал условия покорения и являлся, помимо всего прочего, попыткой положить конец эксплуатации и отменить энкомьенды – что удалось лишь отчасти. Тем не менее до сих пор Лас Касас пользуется уважением во всей Центральной Америке; он один из тех очень немногих испанцев, кого почитают в Мексике как «апостола Индий».

преуспел, то решил, что настало время захватить власть и изгнать пришельцев. Какама присоединился к заговору брата Монтесумы Куитлауака, правителя Истапалапы и нескольких других значительных городов долины Мехико. Монтесума узнал о заговоре и, находясь полностью во власти Кортеса, приказал нескольким по-прежнему верным ему придворным схватить Какаму и привести в Мехико, где того передали испанцам и посадили под стражу. По распоряжению Кортеса Какама был смещен, и вместо него правителем Тешкоко стал его брат Коанакоч.

До сих пор Кортес не допустил ни одной серьезной ошибки. Однако сейчас он замахнулся на большее. Хотя он был хитер и коварен, им, тем не менее, во многом двигали религиозные убеждения; он верил, что настало время низвергнуть идолов Теночтитлана, положить конец жертвоприношениям и установить господство католической церкви. Взяв с собой несколько человек, он взобрал на пирамиду Великого Храма Мехико. На платформе солдаты взяли за мечи и порубили тяжелую завесу, украшенную колокольчиками, которая закрывала святилище. Прибежавшие жрецы увидели, что Кортес вошел внутрь и стоит, глядя на покрытых кровью идолов, шепча: «О Господи, почему позволил Ты, чтобы в этой земле так почитали дьявола? Благослови, Господи, наше служение Тебе в этих землях!»

Обернувшись к жрецам, Кортес сказал им, что изображения богов будут заменены статуей Святой Девы с Младенцем, а стены – побелены. В ответ жрецы со смехом сказали ему, что это боги не только города, но и всей империи, что люди по своей воле умирали за них и что, увидев испанцев на верху пирамиды, они готовы взбунтоваться. Рассвирепев, Кортес послал одного из своих людей обратно во дворец, чтобы усилить охрану Монтесумы и прислать тридцать-сорок человек в храм. Андрес Таппа пишет:

«Честью благородного человека я клянусь и именем Господним, что маркиз (Кортес) необыкновенно высоко подпрыгнул и, ухватившись за перекладину посередине, дотянулся до глаз идола и сбил с него золотую маску, сказав, что мы должны чем-то рискнуть ради Господа».

Монтесума подозревал, что нечто подобное случится, и потребовал отвести себя в храм, где вступил в спор с Кортесом. Теперь для императора настало время хитрить, и он предложил, чтобы испанцы оставили идолов в покое, а крест и свою статую поставили рядом с их богами. Кортес тем временем успокоился и согласился, сказав, что идолы – это всего лишь камень, они ничего не значат. Однако он потребовал, чтобы храм очистили и побелили и чтобы жертвоприношения были прекращены.

Покушение на богов истощило терпение народа. Жрецы, видя угрозу своей власти, пустили слух, что оба великих бога, Уицилопочтли и Тескатлипока, покинут Мехико, если христианские символы не будут удалены из храма, а сами испанцы уничтожены. Паж Кортеса Ортегиля, который быстро освоил науатль и пользовался благосклонностью Монтесумы, сообщил, что император тайно совещается со своими военачальниками. О грядущем мятеже предупреждали также тлашкальтеки и

НАПРОТИВ:

Статуя Тлаока, древнего бога дождей Теотиуакана и Толлана, датированная приблизительно 400 годом н. э. В настоящее время она является экспонатом Национального музея антропологии в Мехико. (© Филип Бэрд, www.anthroarchaeart.org)

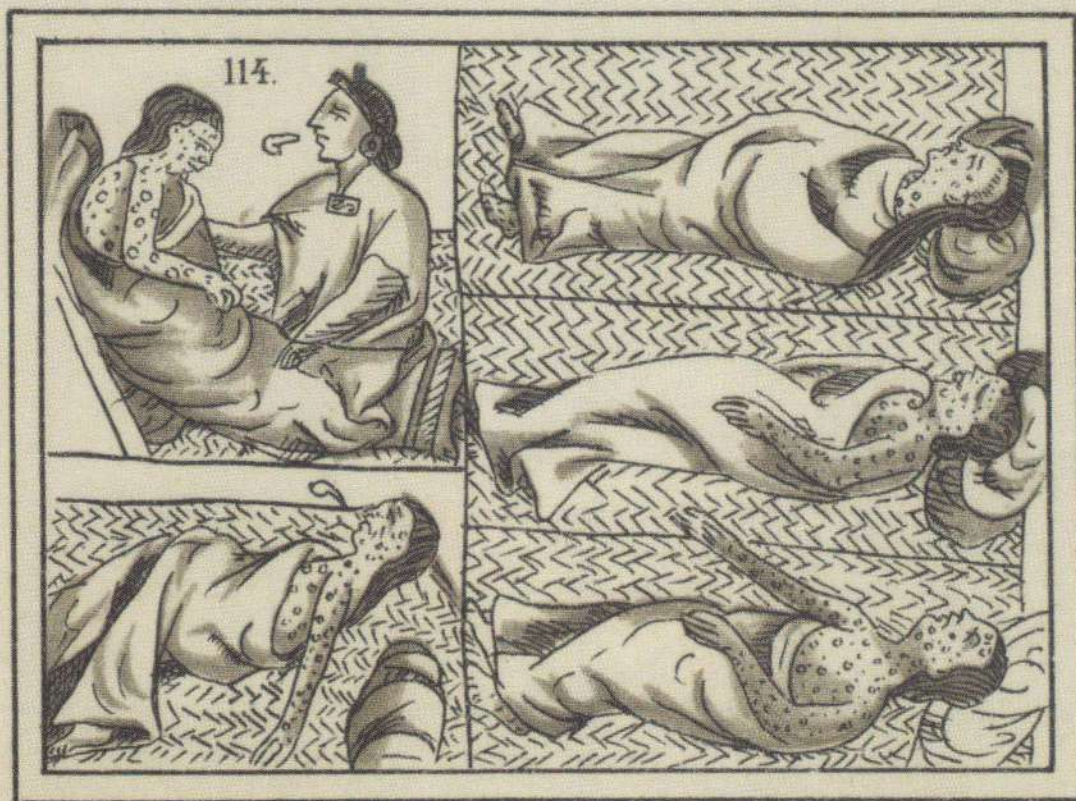
Главная пирамида Семпоалы стала сценой для значительных событий Конкисты, включая первое заключение союза с местными правителями, первое низвержение туземных богов и сражение, в котором Кортес разбил Панфило де Нарваэса. (Национальный институт антропологии и истории, Мехико)

донья Марина. Даже Монтесума сказал Кортесу, что если тот не уведет своих людей и не покинет страну, их уничтожат.

Кортес понял, что дипломатии настал конец и ему придется удерживать страну одной лишь силой. Он послал тайный приказ плотникам в Вилья-Рике начать строить три корабля, чтобы отправиться за подкреплением. Однако он медлил, говоря Монтесуме, что хотел бы вернуться домой, но не может, потому что не имеет возможности покинуть эту страну. И все же настал день, когда Монтесума сказал ему, что теперь испанцы могут уйти, потому что к Вилья-Рике пришел флот. Кортес совершенно правильно предположил, что это экспедиция с Кубы и что губернатор Веласкес узнал о его планах, когда отправленный Кортесом корабль запасался всем необходимым на Кубе для плавания в Испанию. Он также знал, что в район Пануко, еще до того, как Куальпопока начал там свои подстрекательства к мятежу, была послана другая экспедиция, организованная губернатором Ямайки Франсиско де Гараем.

Прибытие экспедиции Нарваэса

Новой экспедицией в Мексику командовал Панфило де Нарваэс, который встретил по пути одну из разведывательных партий Кортеса и узнал о ситуации в Мехико. Не имея возможности занять Вилья-Рику, где упорный и отчаянный капитан Гонсало Сандоваль был готов выдержать осаду, Нарваэс миновал этот город, двинулся дальше на Семпоалу и разместил там свои войска. Сандоваль также арестовал троих посланников Нарваэса и отослал их под охраной в Мехико, где Кортес узнал таким образом о силах противника. Испанцы, находившиеся в Мехико, прочли письма

Нарваэса, в которых люди Кортеса именовались разбойниками и предателями, заслуживающими смерти, и это восстановило их против новоприбывших. Затем посланники были отправлены обратно к Нарваэсу, неся с собой многочисленные дары и рассказы об обещанных Кортесом богатствах и почестях, не сравнимых с теми, что мог предложить своим подчиненным Нарваэс. В конечном итоге Кортес выступил в сторону побережья во главе 250 отборных солдат, оставив в Мехико за старшего Педро де Альварадо.

На новоприбывших испанцев, безусловно, произвели огромное впечатление как дары из золота, так и рассказы о богатстве. Следует также помнить, что они сравнительно недавно прибыли с весьма процветающей Кубы. В то же время люди Нарваэса не могли не заметить, какие исхудавшие, обтянутые задубелой кожей лица у солдат Кортеса, какие помятые на них доспехи. Все это свидетельствовало о том, что они будут иметь дело с испытанными в битвах ветеранами. Таким образом, экспедиция Нарваэса потерпела поражение даже раньше, чем вступила в бой.

Само сражение состоялось при Семпоале 27 мая 1520 г. Кортес со своим отрядом выступил еще до рассвета, под моросящим дождем, который его привыкшие к трудностям солдаты едва замечали, но который заставил искать укрытия людей Нарваэса. Ветераны Кортеса быстро захватили артиллерию противника и отбросили его кавалерию, а затем ворвались в город. Самое сильное сопротивление они встретили

На иллюстрациях «Флорентийского Кодекса» изображена эпидемия оспы, которая бушевала в Теночтитлане с октября по декабрь 1520 г. и унесла жизни сотен тысяч индейцев, среди которых был только что избранный уэй тлатоани Куитлауак. («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч. 29, Американский музей естественной истории)

в центральном храме, где Нарваэс укрепился со своими аркебузирами и арбалетчиками. Эти бойцы предприняли контратаку, но тут с побережья прибыл Сандоваль с подкреплением, и вылазка была отбита объединенными силами. Затем осаждавшие подожгли кровлю храма, заставив людей Нарваэса выйти. Самого Нарваэса, тяжело раненого и потерявшего в сражении один глаз, отправили обратно на побережье под охраной, в качестве пленника. Кортес послал отряд в Вилья-Рику, чтобы снять там с кораблей румпели, компасы и паруса и тем самым сделать невозможным бегство на Кубу. Основная часть людей Нарваэса, испросив прощения у Кортеса, влилась в его войско и получила назад свое оружие.

Готовясь вернуться в Мехико, Кортес даже не знал, что он оставляет за спиной неожиданного и невидимого союзника, который может произвести опустошение среди местного населения. Один из негров-рабов в отряде Нарваэса был болен оспой и заразил хозяев дома, в котором он жил в Семпоале. Как пишет Лопес де Гомара, «оспа распространялась от одного индейца к другому, и они, будучи весьма многочисленны, при том, что они ели и спали вместе, быстро заразили всю страну».

Люди Старого Света за сотни поколений, ценой миллионов смертей, приобрели сопротивляемость к этой болезни. Те, кто от рождения были слабы, умирали, те, кто мог сопротивляться, выживали и производили на свет потомков, более устойчивых к оспе. Новый Свет никогда не знал оспы, поэтому никто из его обитателей не имел наследуемого иммунитета. Установлено, что до 90% местного населения вымерло от болезней, завезенных после Колумба.

В наше время благодаря достижениям науки воздействие заразных болезней сильно ограничено, и в XXI столетии невозможно себе представить и понять истинный масштаб пандемии. Старики умирали раньше, чем успевали передать накопленную мудрость. Жрецы, философы, политические лидеры умирали, унося с собой свои верования, знания и управленческие навыки. Умирали ремесленники, крестьяне и воины. Дети оставались сиротами. Нередко число мертвых превышало число живых, и улицы были полны разлагающихся трупов, что усугубляло последствия. Общество практически переставало существовать. Эта новая и незнакомая болезнь решила исход Конкисты в той же мере, что и остальные факторы.

Бойня в месяц тошкатль

Пока Кортес разбирался с Нарваэсом, у Альварадо возникли проблемы в Мехико. Месяц май, который ацтеки называют тошкатль, был посвящен Уицилопочтли, и в честь этого божества тогда устраивались празднества, во время которых приносились обильные человеческие жертвы. Альварадо разрешил проведение празднеств при условии, что христианские символы в храме не тронут и что жертвоприношений не будет. Однако за несколько дней до церемонии он решил проверить храм и обнаружил там следы недавних жертвоприношений. Кроме того, в храме находились рабы, ожидавшие своей очереди. Освободив их, Альварадо арестовал нескольких жрецов. На допросе они сознались, что на территории храма хранится оружие, и что после завершения церемонии заговорщики собирались уничтожить испанскую

НАПРОТИВ

Педро де Альварадо (1485–1541). Упрямый и импульсивный, Альварадо мог спровоцировать восстание в Мехико своим чрезмерным усердием. Тем не менее, в любых трудных обстоятельствах он был отважен, решителен и верен до конца. (Torfoto)

СЛЕДУЮЩИЙ РАЗВОРОТ
Храм Солнца в Теотиуакане. Вид с вершины церемониального комплекса, именуемого Цитаделью. Этот храм был древним уже в те времена, когда ацтеки, тогда еще полудикие кочевники, впервые появились в долине Мехико. Они сделали этот храм центром своего мира и местом своего мистического происхождения. (© Филип Бэрд, www.anthroarchaeart.org)

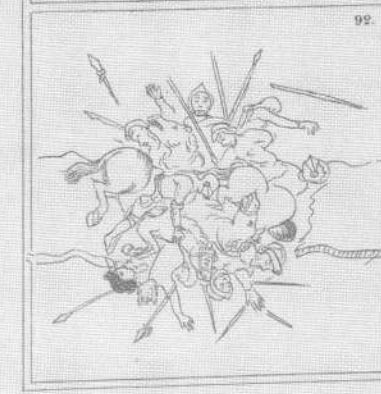
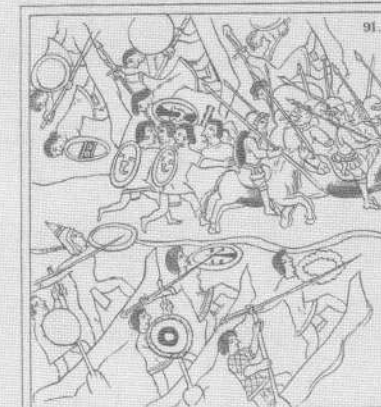
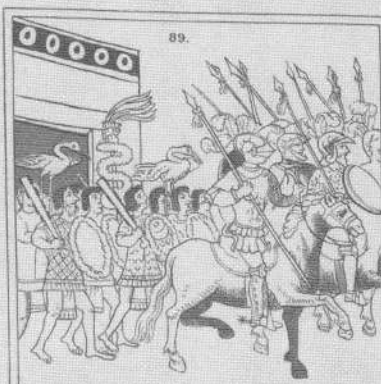
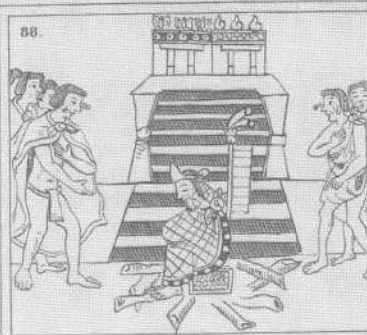
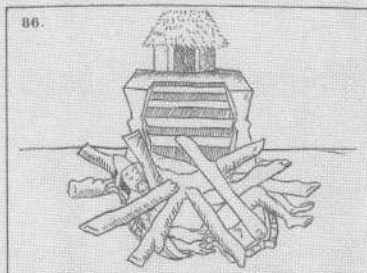
охрану, а крест сбросить вниз, что послужило бы сигналом к бунту. Все усугублялось тем, что город был полон пришедшими на празднество людьми, которые испытывали чувство гнева, видя в храме крест и охранявших его чужеземцев.

18 мая Альварадо дождался начала церемонии, а затем, оставив часть своих солдат во дворце, повел остальных к храму и проложил себе дорогу через толпу. Процессия жрецов раздвинулась, открыв строй вооруженных воинов, но Альварадо ждал этого, и его люди атаковали. Они целенаправленно убивали знать и командующих, чтобы лишить армию руководства и внести смятение в ряды воинов. Тем временем около тысячи тлашкальтеков окружили двор храма и сдерживали подоспевшее подкрепление. Вместе с тлашкальтеками Альварадо пробился обратно во дворец, оставив во дворе храма трупы и кровь.

Отправленные к Кортесу гонцы донесли ему, что город охвачен восстанием, Альварадо находится в осаде и близок к поражению. Кортес со своей выросшей армией поспешил обратно через Тлашкалу, где к нему присоединилось еще несколько тысяч союзников. Чем ближе он подходил к столице, тем больше свидетельств мятежа он видел. Его никто не выходил встречать, лица местных жителей были мрачны. Когда войско Кортеса вошло в столицу вечером 24 июня, город притих. Альварадо и Монтесума обвиняли в произошедшем один другого. Кортес склонен был поверить словам Монтесумы, и Альварадо получил суровый выговор. Однако гнев Кортеса обратился и на Монтесуму, потому что Кортес узнал, что император втайне вел переговоры с Нарваэсом.

Все споры вскоре стали бессмысленны, потому что осада возобновилась. Многочисленные орды мешиков обложили дворец. Против такого количества воинов артиллерия, аркебузы и арбалеты были неэффективны. В каждой атаке погибали десятки врагов, но на их место приходили все новые и новые бойцы; в конце концов они пробились во дворец и подожгли его в нескольких местах. Атака захлебнулась, когда дело дошло до мечей. Испанцы возвели несколько осадных башен в попытках захватить прилегающие строения, в которых расположились мешикские пращники и лучники. Когда эта попытка не удалась, Кортес возглавил вылазку, в ходе которой захватил и сжег храм, благо христианские изображения уже были вынесены из него самими ацтеками. После этого он разослал по городу отряды, дав им задание поджечь окружающие здания. Однако уже стало ясно, что ацтеки одержат верх благодаря одной своей численности. Почти все испанцы уже были ранены. Пока шел бой, ацтекские выборщики сместили Монтесуму и избрали императором Куитлауака.

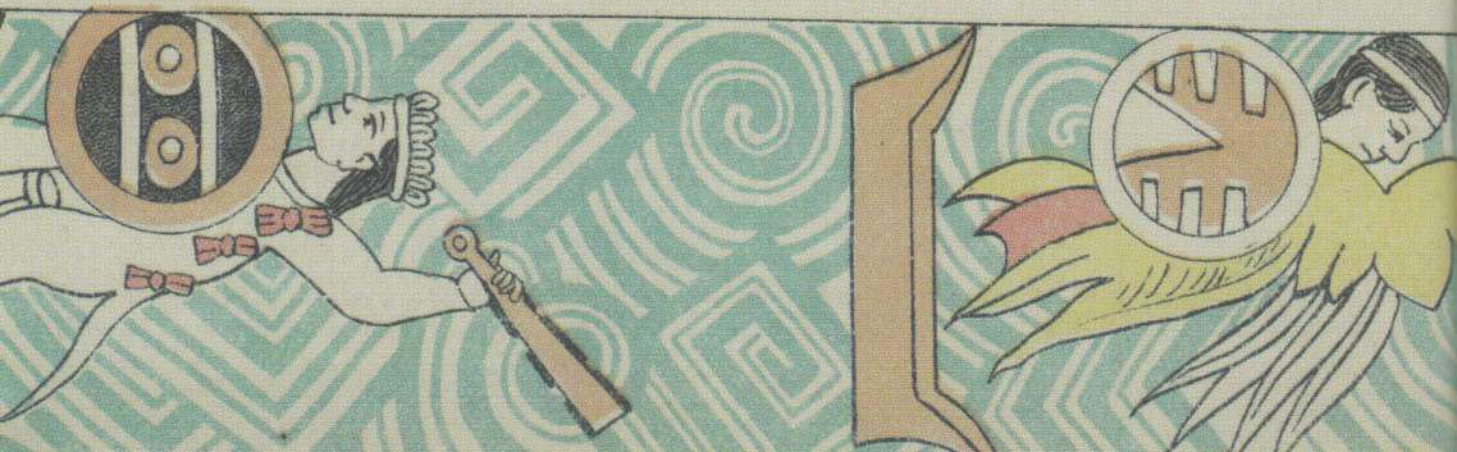
Монтесума умер ближе к концу осады, хотя точная причина его смерти неизвестна до сих пор. Кортес предложил бывшему императору обратиться к толпе и попытаться остановить сражение. Когда тот вышел из укрытия, ему по голове попали камнем, и через три дня Монтесума умер. Ацтеки, однако, излагают историю иначе. Согласно свидетельствам, собранным Дураном, рана на голове, нанесенная камнем, не была опасной, а император был убит испанцами. Саагун передает, что Монтесума обратился к толпе, но это еще больше разъярило ее. После этого Кортес решил, что Монтесума становится обузой, и приказал удушить его вместе с несколькими придворными, а тела сбросить с крыши дворца.

На этой странице «Флорентийского Кодекса» изображены некоторые события 1520 г. Второй сверху рисунок в правом ряду иллюстрирует ацтекскую легенду, относящуюся к «Ночи Печали», когда женщина, набравшая воду в колодец, заметила воинов и предупредила стражу в храме Уицилопочтли. На следующих иллюстрациях изображено сражение («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч. 24, Американский музей естественной истории)

СЛЕДУЮЩИЙ РАЗВОРОТ

Во время «Ночи Печали» испанцы и их тлашкальтекские союзники оказались в ловушке на Тлакопанской дамбе. Ацтеки атаковали их со всех сторон, подойдя на каноэ, так что дюжина солдат была сброшена в канал, где они и утонули (рисунок 18, «Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

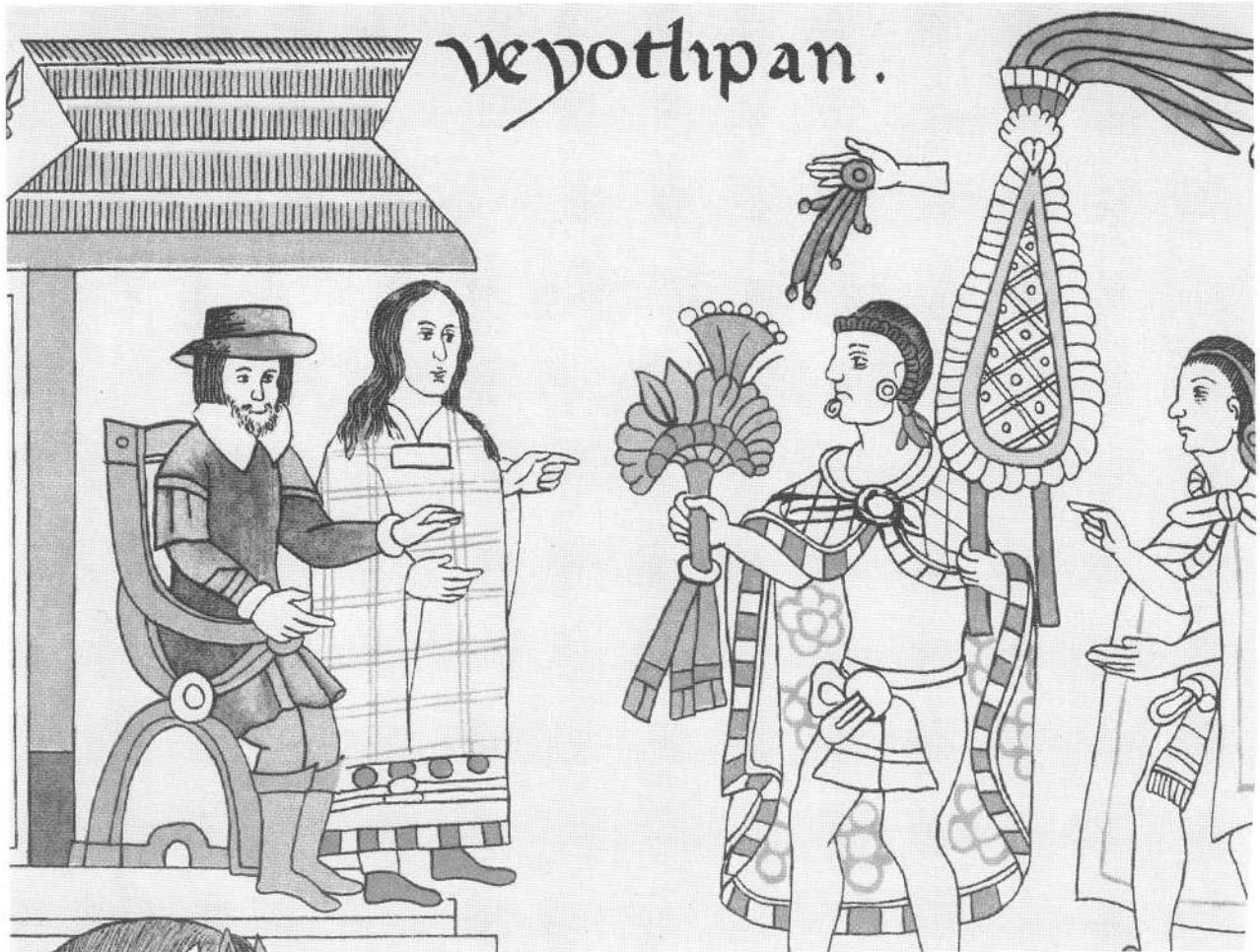

Индийская версия событий, согласно которой император погиб от рук испанцев, была принята историками современной постколониальной эпохи. Однако практически любая хроника, написанная конкистадорами, поддерживает версию Кортеса, и многие из этих солдат, ставших хронистами, не имеют никакой причины отступать от правды. Наиболее убедительны Алонсо де Агилар и Берналь Диас. Когда Агилар писал свои воспоминания, ему было больше 80 лет и он жил в затворе доминиканского монастыря под именем брата Франсиско. Он явно стремился искупить свои преступления, совершенные во время Конкисты. Агилар утверждает, что Монтесума умер от раны в голову, признавая при этом, что других пленников Кортес велел убить. Диас, который восхищается Монтесумой, пишет, что после того, как императору в голову попал камень, он впал в уныние, отказался от пищи и лечения. Принимая во внимание то, что на Монтесуму было совершено нападение из толпы, совсем недавно считавшей его полубогом, версия Диаса кажется наиболее вероятной. Хотя его слова о том, что испанцы оплакивали смерть Монтесумы, являются по меньшей мере преувеличением.

30 июня, на шестой день осады, осажденные испанцы, как капитаны, так и рядовые, поняли, что их положение в городе безнадежно. Если они останутся, их перебьют. Когда Кортес стал возражать, капитаны, включая всегда лояльных братьев Альварадо, подошли так близко к мятежу, как никогда за всю Конкисту, и сказали Кортесу, что он может или вывести их отсюда, или оставаться. Подчинившись неизбежности, Кортес подчинился и стал строить планы отступления, которое должно было состояться той же ночью.

До этого момента Кортес зарекомендовал себя как прекрасный дипломат и стратег, умеющий играть на противоречиях между противниками, чтобы достичь поставленной цели минимальными усилиями. Он имел замечательную склонность проникать в суть каждой политической ситуации и быть постоянно готовым противостоять своим противникам как тщательно спланированными благонамеренными действиями, с одной стороны, так и прямым предательством — с другой. Его тактика была полностью позаимствована у испанских монархов времен завоевания Гранады, когда Фердинанд и Изабелла взорвали эмират изнутри, натравив друг на друга трех претендентов, так что до применения военной силы дело не дошло. Говорили, что именно король Фердинанд вдохновил Макиавелли на трактат «Государь».

Захват Монтесумы являлся смелым ходом, однако и у него были прецеденты в истории как Европы, так и Испанского Мэйна. Средневековая знать постоянно захватывала представителей королевских фамилий в заложники ради выкупа или для изменения политической ситуации в свою пользу непосредственно во владениях заложника. Такие конкистадоры, как Веласкес и Понсе де Леон, достигли своих целей, захватив местных касиков (вождей, или царьков) и предав их смерти путем сожжения заживо. В 1513 г. Нуньес де Бальбоа в Панаме захватил касика Тубанаму и удерживал его в заложниках, пока подданные не выплатили ему 90 фунтов золота. Двадцать лет спустя Писарро по его примеру захватил императора Атауальпу и заставил инков выплатить за его освобождение несколько тонн золота и серебра. Кортес столкнулся 30 июня 1520 г. с принципиально новой ситуацией. Если ацтекская армия ранее не могла победить его в бою, то после этого она уже действовала без колебаний.

Прорыв и отступление

Итак, Агилар сообщил о смерти Монтесумы, и Кортес приказал перебить оставшихся вождей. Затем, поскольку в скрытности больше не было нужды, испанцы заново вскрыли сокровищницу и извлекли оттуда около восьми тонн золота, серебра и драгоценных камней. Одна пятая часть, согласно закону, должна была отойти короне, одна пятая, согласно договору, заключенному в Вилья-Рике, причиталась самому Кортесу. Основную часть золота и серебра расплавили и обратили в слитки, удобные для транспортирования. Для перевозки королевской доли задействовали семь раненых боевых коней и кобылу, а также 80 тлашкальтекских носильщиков. Когда формальности были завершены, испанцы поделили между собой остальную часть сокровищ. Большую часть захватили люди Нарваэса, в то время как ветераны Кортеса удовольствовались маленькими и легкими самоцветами и ювелирными изделиями. В отличие от новичков они знали, с чем им предстоит столкнуться и что с сокровищами или без них они могут выбраться отсюда только при большой удаче. Изделия из перьев кецаля, бесценные в глазах индейцев, были поделены между тлашкальтеками.

Кортес преподносит правителю Машишкацину матлашопилли, или сигнальный значок, захваченный в битве при Отумбе. Тлашкальтек в обмен предложил испанцам пищу и убежище для подготовки новой атаки на столицу ацтекской империи. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

Отступление испанцев после «Ночи Печали». Сражение произошло на дамбе, ведущей от Теночтитлана к Такубе, откуда оставшиеся в живых отступили на север

Плотники разобрали потолочные балки во дворце и соорудили переносной мост, чтобы перебрасывать его через разрывы в дамбах. В полночь длинная вереница испанцев и их индейских союзников растянулась вдоль Такубской (или Тлакопанской) дорожной дамбы. Погода совершенно испортилась, начиналась буря, которая загнала мешикских стражей в укрытие. Затем произошла одна из тех случайностей, которые так часто меняют ход событий. Согласно некоторым свидетельствам, некая женщина вышла из дома, чтобы набрать воды, увидела проходящую колонну и подняла тревогу. По другим источникам, тревогу поднял часовой. Как бы то ни было, через несколько минут в храме загредел барабан, и город ожил. К дамбе отовсюду стекались воины, и еще больше их прибывало на каноэ. Ненависть мешиков к испанцам была столь сильна, что они оставили свой обычный способ ведения боевых действий и пытались убить врагов, а не взять их в плен. Берналь Диас в своем красочном стиле описывает, что они кричали: «О, злодеи! Вы еще живы?». Агилар так пишет о сражении:

Франциск I, король Франции

Основным соперником Карла V в Европе был Франциск I, король Франции. Как и Карл, Франциск вззошел на трон молодым – ему не исполнилось еще и 20 лет, и он был основателем династии. Но в отличие от Карла, который интересовался Испанией и Индией лишь во вторую очередь после Германии, Франциск полностью посвятил себя возвеличению Франции. Он сумел взять под контроль богатые торговые области Северной Италии, разделив владения Карла надвое, и сделал Францию одной из главнейших держав Европы. Нельзя было найти других столь отличных внешне друг от друга людей. Франциск был искусным охотником, превосходным наездником и умелым поединщиком. Умственному развитию он уделял не меньше внимания, чем физическому. Он являлся законодателем мод и изысканности в стране, которая постепенно сделалась центром покровительства культуре и искусству. Если во Франции чего-то не было, Франциск обеспечивал это, приглашая из-за границы таких гениев, как Леонардо да Винчи и Бенvenuto Челлини. Портреты Франциска, самый известный из которых – шедевр Жана Клуз, ныне находящийся в Лувре, изображают красивого, пронзительного, самоуверенного человека, с налетом высокомерия.

После плавания Колумба Ватикан заключил ряд сделок, нацеленных на прекращение соперничества между испанцами и португальцами за контроль над торговлей с Индией. По договору, заключенному в 1494 г. в городке Тордесильяс, Португалии отдавались во владение все территории к востоку от линии, проходящей в 370 милях западнее Азорских островов, а все, что лежало западнее, получали испанцы. Заморская торговля других государств, таких как Англия и Франция, осталась в небрежении и не рассматривалась даже сама возможность их участия в торговых отношениях с заморскими территориями. Однако все изменилось, когда на французский трон вззошел Франциск I. Он отверг претензии Испании на монополию в Новом Свете и был твердо намерен получить свою долю. В 1523 г., когда испанцы уже прочно удерживали Мексику, в Севилью был от-

Портрет Франциска I, Topfoto,
Британская библиотека, НР

правлен флот, нагруженный сокровищами, дарами Нового Света и экзотическими животными – первой значительной прибылью от Конкисты. Однако у мыса Сен-Винсент флот подстерегли французские корсары, которые захватили 700 фунтов жемчуга, 500 фунтов золотого песка, и целые ящики золотых и серебряных слитков. Корсары плавали под покровительством своего короля, и Франциск получил львиную долю добычи. Отныне французы не только подстерегали испанские корабли, возвращающиеся домой с драгоценным грузом, но и совершали плавания в Вест-Индию, нападая там на торговые фактории и торгуя с поселенцами в нарушение монополии испанской короны. Когда Карл пожаловался папе, Франциск ответил: «Солнце светит мне, равно как и испанцу».

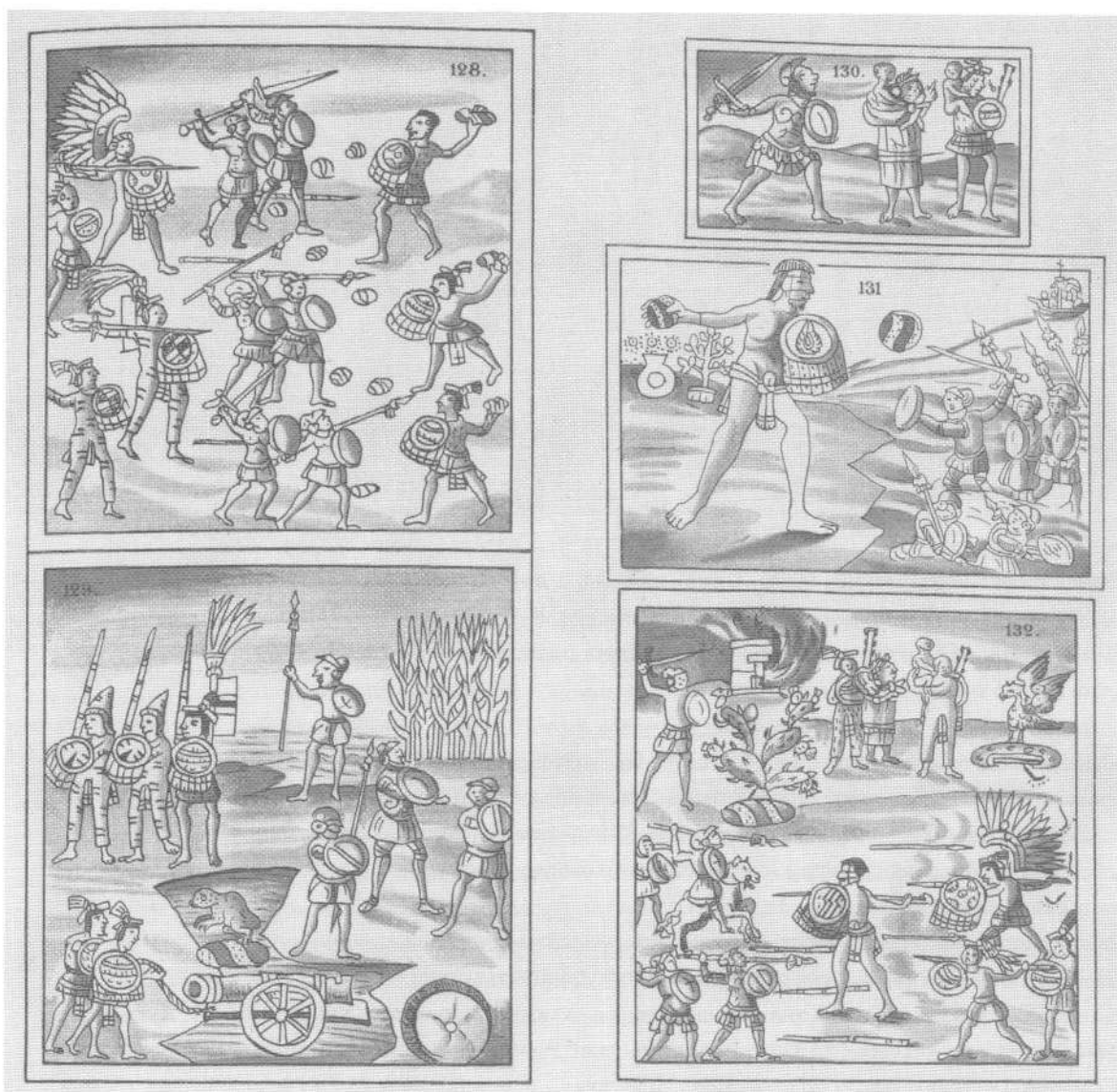
«Здесь пало множество испанцев. Одни мертвые, а другие раненые, и многие без всяких ранений теряли сознание от изнеможения. И, поскольку все мы бежали, никто не протянул бы руку, чтобы помочь подняться товарищу, будь то даже его собственный отец или брат».

Аркебузы и арбалеты, бесполезные в ближнем бою, пришлось бросить и полагаться только на мечи. Арьергард, отрезанный вместе с обозом от основной колонны, отступил на ступени храма, где и был перебит. Множество ацтеков бросилось грабить обоз, дав передышку остаткам армии Кортеса, которая благодаря этому сумела пересечь озеро и уйти по берегу.

Современные исследователи считают, что испанцы потеряли по меньшей мере 600 человек, основную часть своей армии, а также большинство лошадей и все пушки. Кроме того, при отходе из Мехико пало несколько тысяч тлашкальтекских воинов. Ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г. в мексиканской истории носит название *Ла Ноче Тристе* (La Noche Triste), то есть «Ночь Печали».

Битва при Отумбе

Побитые и потрепанные испанцы двинулись обратно в сторону Тлашкалы. Они обошли озеро Тешкоко с севера и повернули на восток, постоянно преследуемые вражескими стрелками. Наконец мешики решили окончательно уничтожить их и закончить войну. Для последнего удара они выбрали равнину Отумбы, неподалеку от священных руин Теотиуакана. Они полагали, что на равнине превосходящими силами пехоты под предводительством верховного жреца Теночтитлана они опрокинут и уничтожат остатки армии Кортеса. Их опыт столкновения с крупными андалузскими боевыми конями ограничивался стычками в городе и на мостах, где подвижность лошадей была ограничена, а копыта скользили по мостовой. Ацтеки совершенно недооценивали всадников и предоставили Кортесу превосходные условия для действий кавалерии.

Сражение, состоявшееся 7 июля, носило характер ближнего боя. По словам Алонсо де Агилара, у Кортеса на глазах стояли слезы, когда он призывал своих людей сделать еще одно, последнее усилие. Сам Кортес писал, вспоминая детали битвы для короля Карла: «Мы едва могли отличить своих от врагов – так яростно и на таком близком расстоянии сражались они с нами. Мы были уверены, что настал наш последний день, ибо индейцы были очень сильны, а мы, изнуренные, почти все раненые и ослабевшие от голода, могли оказать им только незначительное сопротивление». Наконец, Кортес высмотрел группу военачальников, управлявших сражением и, построив в линию своих вооруженных копьями всадников, повел их в атаку через плотные ряды ацтекских воинов. Лошади пробились сквозь эту массу, главный военачальник был пронзен копьем, и мешики, находившиеся уже в одном шаге от победы, пали духом и начали отступление.

Армия Кортеса была спасена, но ее состояние позволяло ей лишь продолжать марш к Тлашкале. Берналь Диас подсчитал, что кроме потерь, понесенных европейцами в «Ночь Печали», еще 72 солдата, а также пять испанских женщин, прибывших с Нарваэсом, пали в сражении при Отумбе. Фактически самый тяжелый урон понесли люди Нарваэса, которые не привыкли к войне не на жизнь, а на смерть и к дисциплине, столь необходимой для того, чтобы выжить. Многие из них погибли на мостах, будучи отягощены добычей.

Мешики тем временем попытались перетянуть тлашкальтеков на свою сторону, предложив им оставить старые раздоры и объединиться против чужеземцев. Одна из фракций в Тлашкале склонялась к тому, чтобы принять данное предложение. Однако правители пресекли это движение в самом его начале и решили остаться верными Кортесу, а также предупредили о последствиях всякого, кто решит принять сторону Мехико. И вот, когда измотанные и потрепанные испанцы добрались 10 июля до Тлашкалы, их встретили там со словами: «Здесь ваш дом, здесь вы можете отдохнуть и развеселиться после перенесенных вами страданий».

Возрождение Конкисты

Несмотря на поражение, Кортес был намерен вернуться обратно, покончить с Теночтитланом и покорить всю страну. Это намерение поддерживали его ветераны. Послав в Вилья-Рику за порохом и оружием, дав своим людям отдохнуть и залечить раны, Кортес отправил отряд испанцев и тлашкальтеков покорять город Тепеаку. Мешикский гарнизон встретил его на равнине, и, как и при Отумбе, был рассеян кавалерийской атакой. Победа подняла дух солдат, бывшие солдаты Нарваэса осознали необходимость дисциплины, и Кортес смог двинуться против других мешикских городов, разоряя те из них, которые не подчинились ему из страха. Покорив всю провинцию, Кортес заложил город Сегура-де-ла-Фронтера, собираясь в дальнейшем использовать его как базу в борьбе с Теночтитланом. Там были созданы все необходимые органы городского управления, а здания и укрепления возведены в необыкновенно короткий срок. Место для города выбиралось не только со стратегической точки зрения, но и потому, что окрестности идеально подходили для посе-

НАПРОТИВ

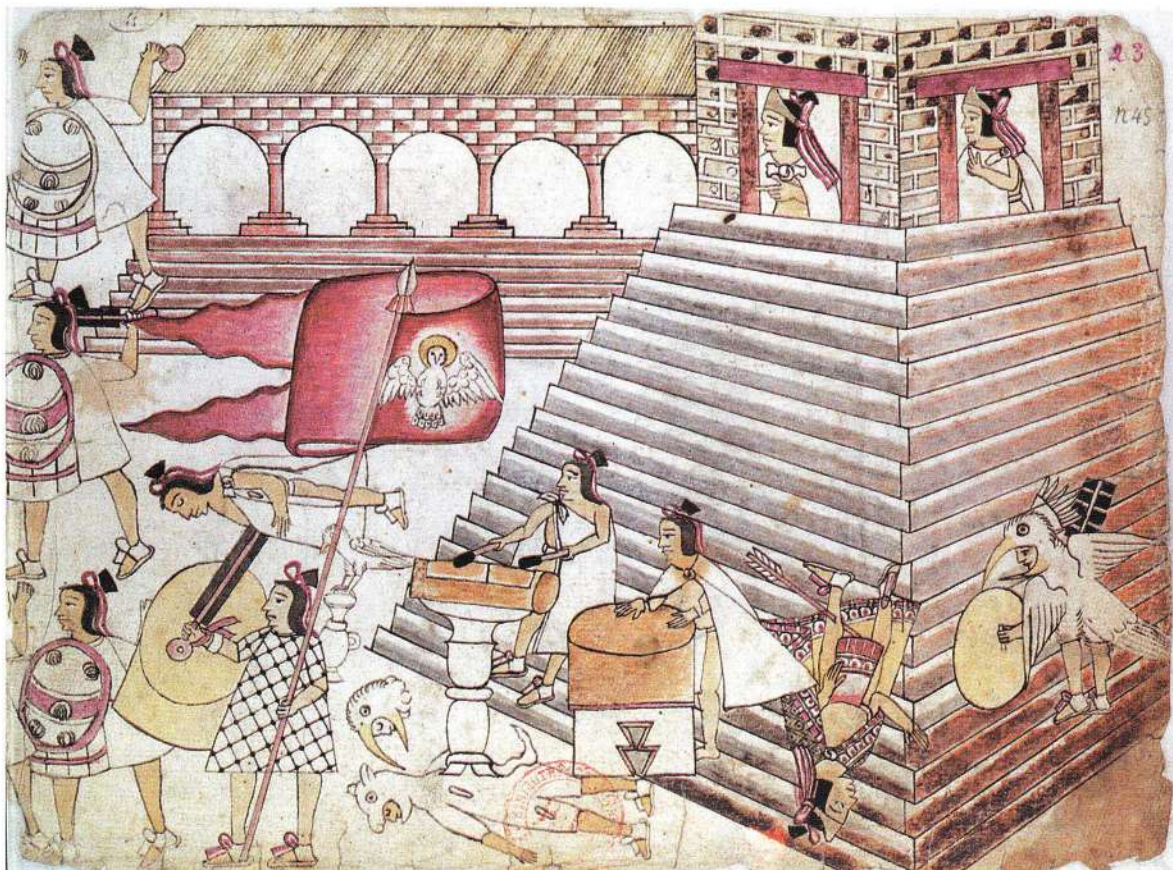
На этих иллюстрациях из «Флорентийского кодекса» изображена битва за Теночтитлан. Некоторые бойцы обеих сторон представлены здесь как герои. На среднем рисунке в правом ряду имеется подпись «Цилакацин Могучий». Больше всего испанцы боялись воинов именно этого ранга – отомы, которые славились тем, что носили в своих щитах крупные камни и металы их в ряды противника. («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч.32, Американский музей естественной истории)

ления. Как всегда, Кортес смотрел в будущее. Некоторые из его людей были менее оптимистичны, и ему пришлось пресечь потенциальный мятеж среди сторонников Нарваэса, повесив одного из предводителей.

Из Вилья-Рики были вызваны матросы и плотники со снаряжением уничтоженного флота. Они начали постройку тринадцати бригантин, которые предстояло разобрать, перевезти до места и снова собрать на озере. Кортес ничего не хотел оставлять на волю случая. Удача снова повернулась к нему лицом. С Кубы пришло два корабля — там еще ничего не знали о произошедших событиях и прислали Нарваэсу оружие, порох и снаряжение. Кортес все реквизирует и присвоил себе людей и снаряжение с еще двух кораблей, прибывших с Ямайки для снабжения злополучной экспедиции губернатора Гарая. Эти четыре корабля он отправил на Эспаньолу за людьми и лошадьми. Уже убедившись в том, что одними лишь мечами многого не добиться, он затребовал лошадей, огнестрельное оружие и порох с Эспаньолы. И, наконец, взятка, посланная им королем в самом начале экспедиции, принесла свои плоды в виде оружия, снаряжения и людей, которые начали прибывать из самой Испании.

Готовясь к выступлению в поход, Кортес издал ряд приказов: никто не должен хулить Христа, Деву Марию, апостолов или святых; запрещается плохо обращаться с союзниками-индейцами и грабить их; никто не должен покидать лагерь ни по какой причине; все солдаты обязаны иметь прочный доспех (индейский доспех,

Мешикские воины защищают Великий Храм. Один из них захватил испанский штандарт. По «Аскатитланскому кодексу», лист 24 (Изобразительная библиотека Энн Ронан / Heritage Images)

Осада Теночтитлана, 1521 г.

После двух лет неудачных переговоров, войны и эпидемии, ацтеки выбрали новым императором Куаутемока и начали укреплять Теночтитлан, готовясь к осаде. К Теночтитлану вместе с испанцами подошли 50 000 воинов из Тлашкалы, Уэшоцинко, Чолулы, а также других городов-государств. Войска Кортеса штурмовали город и с суши и с воды, однако, ворвавшись внутрь, они попали в западню, устроенную для них в лабиринте городских улиц и каналов. Многих из нападающих защитники заманили в тупики и там с легкостью забросали камнями, которые они кидали с крыш городских зданий. Те, кто искал укрытия или отвлекался на добычу, терялись среди маленьких комнат и внутренних двориков в жилищах горожан. На иллюстрации ацтеки внезапно проломили сквозь деревянную крышу и глинобитную стену дома, чтобы захлопнуть в безжалостную ловушку и порубить на

куски тлашкальтека и его испанского союзника. Этот испанец один из капитанов и искусный мечник. Такое же положение занимает одетый в красное тлашкальтек, чья красно-белая головная повязка указывает на принадлежность к знати. Его стальной меч получен в дар от испанцев. В то время, когда лучник стреляет по врагам сверху, два ацтекских воина врываются через пролом в саманной стене, чтобы застать противника врасплох и зажать его в угол. Один из нападающих, судя по его тунике-зуатлю, является знатным человеком. Другой воин одет в тлауицтли и шлем в виде легендарного огненного койота. Подобная тактика городского боя, примененная ацтеками, заставила Кортеса временно отступить, а затем начать планомерную осаду, в ходе которой он разрушал одно строение Теночтитлана за другим. Это была самая длительная битва в истории (Адам Хук, © Оспри Пабблишинг Лтд.)

который многие стали носить здесь, должен был быть хорошо простеган), а также нашейник, шлем и поножи, и нести с собой щит; запрещается играть на лошадь и оружие; все солдаты, кроме больных и раненых, должны спать в полном вооружении и обутыми на случай ночной атаки; сон на посту или оставление поста карается смертью; переход из одного лагеря в другой без разрешения карается смертью; дезертирство в сражении карается смертью.

Тем временем Теночтитлан страдал от другой напасти. Оспа наконец-то перешла через горы близ Чалько и уже 60 дней опустошала столицу. В долине Мехико от оспы умерло больше 40% крестьян, и вскоре начался голод. Среди умерших от оспы был и император Куитлауак. Ему наследовал его двоюродный брат Куаутемок. Хотя этот новый правитель имел от роду только 25 лет, мужественное сопротивление, которое он оказал врагам в последние дни империи, делает его в глазах ацтеков величайшим из всех императоров, а в наши дни – национальным символом независимости.

Осада Мехико, 1521 г.

26 декабря 1520 г. Кортес выступил из Сегура-де-ла-Фронтеры. Помимо хорошо экипированного и доукомплектованного европейского контингента, у него было 10 000 тлашкальтекских воинов, а при необходимости правители Тлашкалы обещали предоставить ему еще больше своих войск. Испанцы и их союзники пересекли горы и подошли к Тешкоко, не встречая сопротивления. Там они устроили штаб-квартиру и разбили идолов храма. В окрестные города были посланы отдельные отряды, и многие из этих поселений сдались. Представители других городов сказали, что они тоже могли бы сдаться, если бы не мешикские гарнизоны. Время от времени люди Кортеса вступали в схватки с отрядами противника. После одного особенно яростного боя пал Шочимилько, и Кортес снова ступил на берег озера, откуда вдали был виден Теночтитлан.

Чтобы избежать длительной осады, Кортес послал Куаутемоку предложения мира, а когда они были отвергнуты, принялся покорять города вокруг озера, чтобы обеспечить блокаду Теночтитлана. Отряд Гонсало де Сандовалья захватил области, подвластные Тешкоко, и обнаружил там кожу с голов двух испанцев, захваченных в плен после «Ночи Печали» и принесенных в жертву в храме. Кожа была выдублена, бороды оставлены нетронутыми. Среди других храмовых подношений оказались четыре лошадиные шкуры вместе с копытами и подковами, а также одежда принесенных в жертву. В одной из клеток, в которых держали будущих жертв, пленный испанец Хуан Юсте, прибывший в Мексику с экспедицией Нарваэса, выпарал свое имя.

28 апреля в озеро Тешкоко спустили бригантины. В Тлашкалу, Чолулу, Уэшоцинко и другие союзные города послали гонцов, и через неделю в Тешкоко стали прибывать войска союзников. Из одной Тлашкалы пришло 50 000 воинов. Они проследовали через город со своими боевыми штандартами, оглашая небо криками «Кастилия!» и «Тлашкала!». Установив блокаду Мехико, Кортес приступил к реализации последней стадии своего плана. Альварадо, имевший под своим началом 30 кавалеристов, 18 арбалетчиков, 150 пехотинцев и 25 000 тлашкальтекских воинов, должен был наступать на ацтекскую столицу из Такубы. Олиду, возглавляв-

шему отряд из 33 всадников, 18 арбалетчиков, 160 пехотинцев и 25 000 индейцев, предстояло атаковать Мехико со стороны Койоакана. Сандоваль, руководивший атакой со стороны Истапалапы, имел в своем распоряжении 24 кавалериста, 4 аркебузира, 13 арбалетчиков, 150 пехотинцев и 30 000 воинов Тлашкалы. Сам Кортес намеревался командовать флотом, на каждом судне которого находились: капитан, 6 арбалетчиков или аркебузир и 12 гребцов. Акведук, доставлявший в город воду с Чапультепека, был перерезан, и город оказался теперь полностью изолированным. Кортес и его капитаны начали осмотр дорожных дамб. Они приказали заделать разломы в дамбах так, чтобы по ним могла пройти кавалерия, но ближе к городу разломанных участков и баррикад становилось все больше.

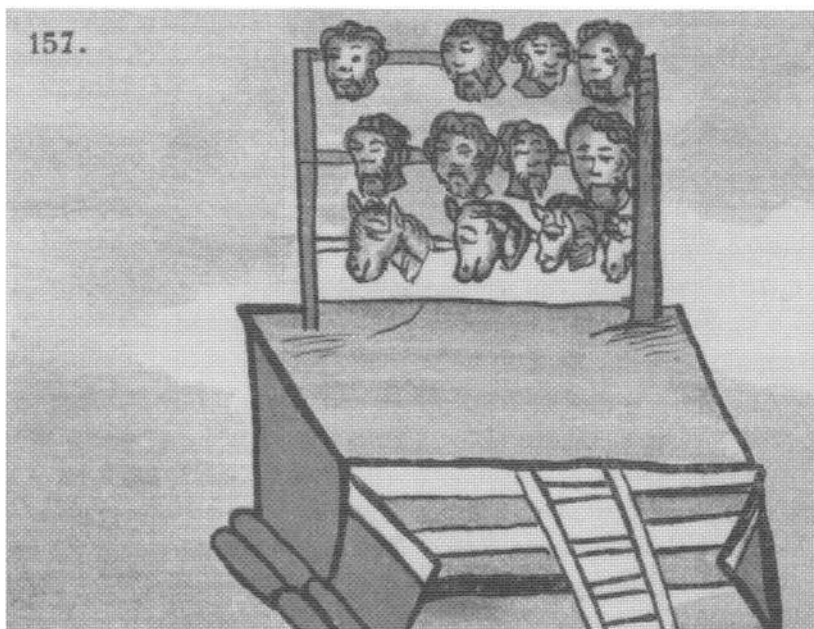
31 мая 1521 г. Сандоваль вышел из Истапалапы, чтобы очистить от противника дамбу и атаковать город. Кортес на бригантинах двинулся на помощь ему по озеру. Захватив укрепленный холм, господствовавший над водой, Кортес повернул корабли на Мехико, и там их встретило около 500 каноэ с ацтекскими воинами. С берега дул свежий ветер, наполнявший паруса, и испанцы пробились через строй каноэ, многие из которых были повреждены, а сидевшие в них воины утонули. Остальные каноэ испанцы отогнали к городу. Осада Мехико началась.

Следующие восемьдесят дней были очень напряженными. Испанцы отвоевывали дорожные дамбы шаг за шагом, только для того, чтобы снова быть отброшенными назад и оказаться на исходной позиции. На Такубской дамбе, на месте которой теперь проходит широкая улица под названием Пуэнте-де-Альварадо (мост Альварадо), Альварадо предпринял поспешную атаку, намереваясь захватить территорию, прилегающую к храму. Ацтеки отступили, разрушив дамбу на протяжении 60 футов. Альварадо и его всадники въехали в воду и выбрались на другой стороне разлома, в то время как пехота начала его заделывать. Внезапно появились многочисленные каноэ, которые до этого находились в засаде. На помощь атакующим поспешили бригантины, но наткнулись на барьер из кольев, вбитых в дно озера и скрытых водой. Альварадо сумел пробиться назад, но пятеро его людей были пленены ацтеками.

Плен означал жертвоприношение. Испанцы часто слышали в отдалении грохот больших храмовых барабанов, звук труб, сделанных из раковин, и другие звуки, означавшие, что их товарищей принесли в жертву. По мере того как испанцы продвигались по городу и приближались к храму, они могли даже видеть церемонию на вершине пирамиды, но ничего не могли сделать — только молиться. У солдат появилось обыкновение завершать каждый день сражения молитвой: «Благодарение Господу, что они не уволокли меня сегодня, чтобы принести в жертву». По мере того, как все больше их товарищей убивали на жертвенном камне, ненависть испанцев к ацтекам все возрастала. Никто не просил и не давал пощады.

В ходе битвы ацтеки пытались деморализовать тлашкальтеков и прочих союзников, бросая в их ряды обваренные части тел принесенных в жертву, с криками: «Жрите плоть этих туэлес (богов — отсылка к почти божественному статусу, который поначалу был присвоен кастильцам) и ваших братьев, потому что мы ими уже сыты!»

Летом 1521 г. ацтекам удалось захватить в плен многих испанцев. «Флорентийский кодекс» указывает, что всех этих пленников подвергли ритуальной казни перед Великим Храмом ацтекского бога Уицилопочтли. Даже головы их лошадей были выставлены в цомпантли, как военные трофеи. («Флорентийский кодекс», кн.12, ч.35, Американский музей естественной истории)

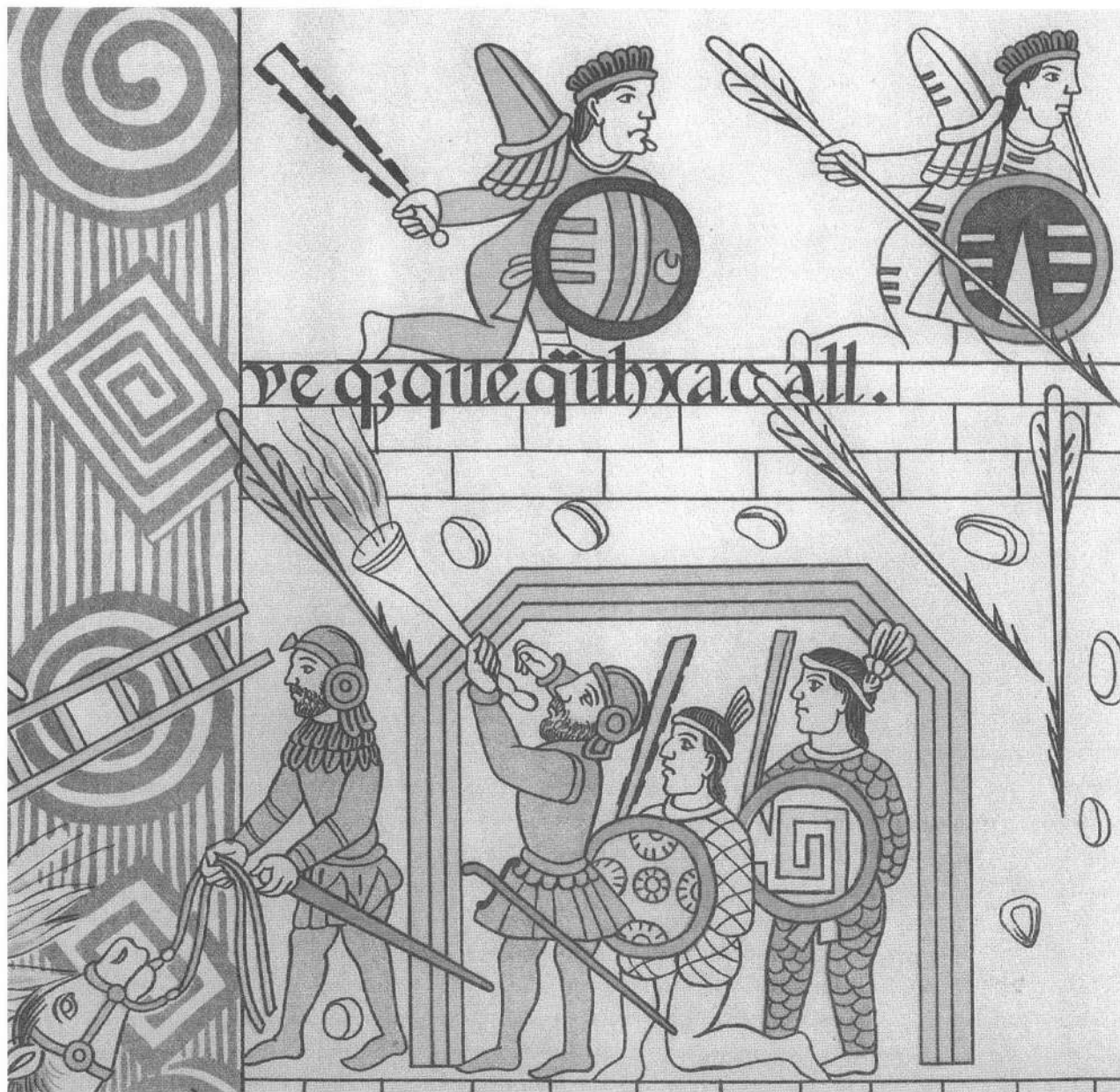

Кортес приказал временно прекратить атаки, но продолжал создавать видимость активных действий. Его люди сражались непрерывно уже почти десять недель, а союзники теряли боевой дух при виде стойкости ацтеков. Беспокойство усилилось, когда из Теночтитлана пробрались посланники, которые показали союзникам части тел европейцев, взятых в плен и принесенных в жертву.

Испанцам пришлось выделять отряды и посылать их в союзные города, чтобы произвести впечатление на тамошних правителей и удержать их на своей стороне. Эти меры оказались вполне эффективными, и когда в конце июля Кортес возобновил атаки, в его распоряжении было 150 000 индейских воинов. Теперь он начал войну на уничтожение. Захватив квартал города, он разрушал все здания и использовал получившийся материал для того, чтобы засыпать каналы и заполнять разрывы в дамбах, что увеличивало простор для действий пехоты и кавалерии. К несчастью для ацтеков, люди из Шочимилько, Куитлауака и Истапалапы предпринимали теперь собственные набеги, пересекая озеро на каноэ, грабя и похищая женщин и детей. Хотя Куаутемок сумел остановить это, необходимость распылять свои силы как для отражения атак испанцев, так и для пресечения пиратских набегов сильно ослабила его оборону.

Город был истощен, люди страдали. Будучи уже ослаблены эпидемией оспы, терпя нехватку продовольствия и воды, вызванную блокадой, они умирали тысячами. Многие, неспособные носить оружие, приходили к испанским позициям для того, чтобы сдаться. Алонсо де Агилар писал:

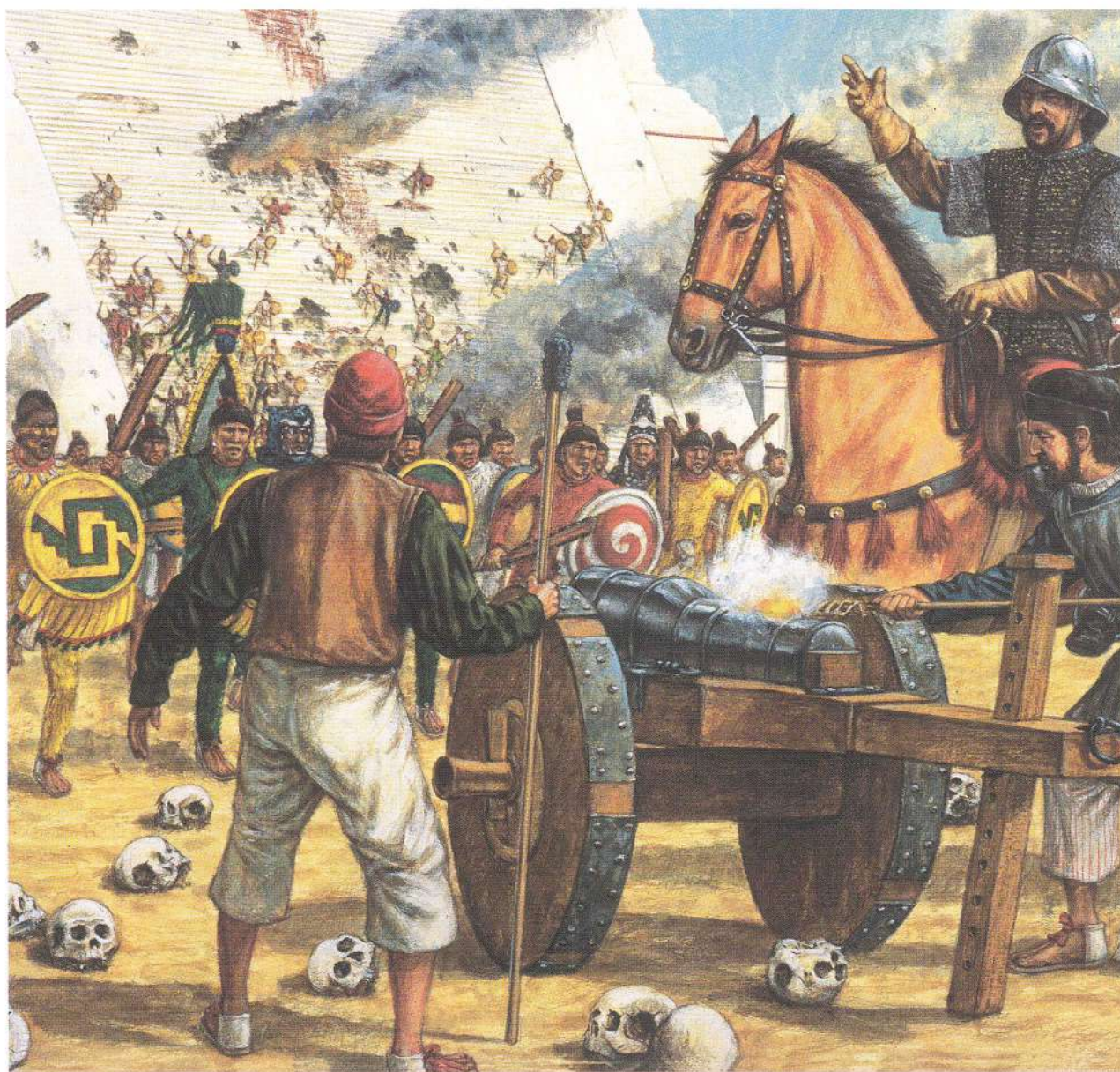
«В городе царил великий мор, потому что там собралось множество людей, в особенности женщин, и им нечего было есть. Мы едва могли пробираться по улицам, забитым индейцами, страдавшими от голода, мора и оспы».

В каких бы жестокостях ни обвиняли испанцев за пять столетий, прошедших со времен Конкисты, все их действия бледнеют перед тем, что творили их союзники-тлашкальтеки. Столетия ненависти и жестокости, лежащей в основе мезоамериканской военной культуры, вылились в насилие, заставившее ужаснуться самого Кортеса. Впоследствии он писал королю:

«У нас было больше трудностей с тем, чтобы удержать наших союзников от убийств, нежели с тем, чтобы сражаться врагом. Ибо никакое племя, даже самое дикое, не следует обычаям столь ужасным и свирепым, как туземцы этих

Новый штурм Теночтитлана начался в декабре 1520 г. В течение всей весны ацтеки сражались, нападая из-за баррикад, с крыш домов и с каноэ, плывущих по узким каналам. Испанцы попадали в ловушки и несли огромные потери. Осада стала войной на истощение. (Льенсо де Тлашкала, Американский музей естественной истории)

Последняя оборона Великого Храма, 1521 г.

Все лето 1521 г. испанцы с непрерывными боями пробивались к центру Теночтитлана. Днем они продвигались вперед, только для того, чтобы быть отброшенными назад ночью. Город защищал сам себя. Улицы Теночтитлана напоминали лабиринт. Оказавшись в городе, испанцы не могли продвинуться дальше, поскольку не знали пути. Их заманивали в ловушки и атаковали со всех сторон и сверху. Территория храма была окружена стеной, а расположенные за этой стеной пирамиды легко превращались в убежища и цитадели. Высота Великого Храма составляла более 100 футов. По его крутым стенам вели лестницы, перемежавшиеся уступами,

на которых могли разместиться ацтекские войска и оттуда осыпать нападающего врага стрелами и камнями, ожидая прибытия подкреплений из других частей города. На площади перед храмом собрались отборные ацтекские воины, а их передовая группа уже устремилась в атаку на испанцев. Артиллерийский расчет, состоящий из испанских моряков, готовится выстрелить по атакующим из своей ломбарды. Поблизости расположено гигантское цомпантли, где выставлены черепа тысяч принесенных в жертву пленников, захваченных ацтеками во время предыдущих военных походов. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

земель. Наши союзники совершили в тот день множество грехов, которые нам не удалось предотвратить, ибо их насчитывалось более 150 000, а нас, испанцев, лишь около девяти сотен. Ни наши убеждения, ни предупреждения не могли остановить их произвол, хотя мы делали все, что было в наших силах...

Я разместил испанцев на каждой улице, чтобы, когда люди станут выходить, дабы сдаться в плен, это помешало нашим союзникам убить этих несчастных, чье число было несметно. Я также сказал капитанам наших союзников, что этих людей нельзя убивать ни в коем случае. Однако мы очень многое не смогли предотвратить, и более 15 тысяч человек в тот день были убиты и принесены в жертву тлашкальтеками».

К августу единственным очагом сопротивления осталась небольшая часть Тлателолько. По каналам плавали бригантины и палили из пушек по домам. Осознав, что ситуация безнадежна, Куаутемок погрузил свою семью и приближенных в каноэ и попытался сбежать на берег. На озере было множество каноэ с людьми, спасавшимися из города. Когда Кортес узнал, что произошло, он передал на бригантины приказ обыскать озеро и найти императора. 13 августа 1521 г. Гарсиа Ольгуин, капитан одной из бригантин, опознал императорский навес, захватил каноэ и принудил всех, кто в нем был, сдаться. Доставленный затем к Кортесу, Куаутемок сказал:

Куаутемок, последний ацтекский император Мексики. Изображение на мексиканской монете в 5 песо, отчеканенной в XX веке. (Коллекция Чарльза М. Робинсона)

«Господин Малинче, я выполнял свой долг, защищая свой город и своих подданных. Более я не могу сделать ничего, и вот я приведен к тебе силой и отдан в твою власть. Сними же с пояса своего клинок и убей меня».

На это Кортес дал милостивый ответ, похвалив свергнутого императора за отважную оборону. Еще испанский военачальник заявил, что хотя он сожалеет о разрушении города и гибели такого количества людей, это уже свершилось и ничего нельзя изменить. Что же касается Куаутемока и его близких, то им будет дарована жизнь.

Великая осада была завершена. С покорением Мехико был завершен один период истории и начался новый. Берналь Диас сказал об этом такими простыми, но прочувствованными словами: «Куаутемок и его капитаны были арестованы тринадцатого дня августа в час вечерней молитвы, в день святого Ипполита, в лето одна тысяча пятьсот двадцать первое. Благодарение Господу нашему Иисусу Христу и Владычице нашей, Святой Деве Марии, благословенной матери Его. Аминь».

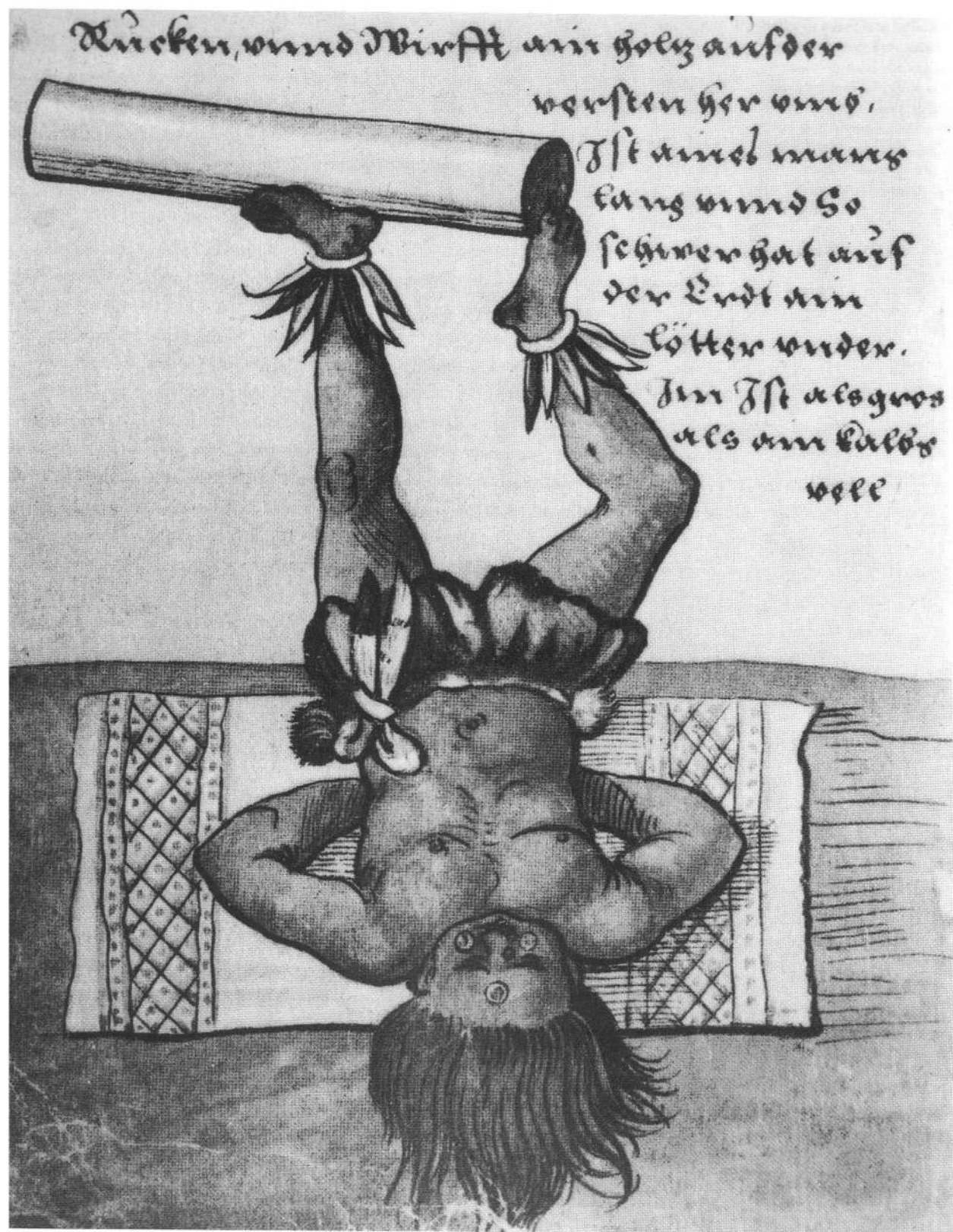
ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Сразу же после захвата ацтекской столицы все мысли испанцев сосредоточились на последствиях этой войны. В течение трех лет они сражались против неприятеля, невероятно превосходящего их числом, и страдали от тягот войны. Они видели, как их товарищей волокут в храм, чтобы принести в жертву, и ничего не могли с этим поделать. Они обнаружили останки тех, кого отдали языческим богам, изуродованные настолько, что опознать их было невозможно. Пришло время расплаты. В тот день, когда город сдался, его наводнили солдаты, искавшие золото. Тем временем их тлашкальтекские союзники продолжали кровопролитную оргию, убивая любого ацтека, который попадал им в руки. Город был полностью разрушен. Около 100 000 мужчин, женщин и детей умерли во время 80-дневной осады, тысячи тел лежали непогребенными. Большинство выжившего населения устремилось прочь из города; они шли по дамбам, на которых испанцы установили посты, получившие задание выискивать и отбирать у беженцев припрятанные ими сокровища. Знатные ацтеки одевались в лохмотья и пачкали тела и лица грязью, пытаясь скрыть свой статус, однако алчные испанцы обыскивали их с головы до ног.

Собрав значительное количество золота, испанцы перенесли его в штаб-квартиру Кортеса в Койоакане, и там Кортес и королевские ревизоры решили расплавить это золото и поставить на нем пробу. В итоге его оказалось более чем на 130 000 *кастильянос* (в одном кастильяно 42,29 грамма чистого серебра). Все добытые ценности, включая рабов, были переписаны. Одна пятая часть добычи по закону принадлежала короне, остальное распределили по всей армии в соответствии с положением каждого, причем Кортес и его капитаны получили львиную долю. Помимо всего прочего, там имелись золотые украшения, изделия из перьев и многое другое, в чем Кортес, будучи человеком образованным, увидел произведения искусства. Вместо того чтобы расплавить эти вещи, их послали королю-императору, который не обратил внимания на их художественную ценность и переплавил все золото. Некоторые изделия

НАПРОТИВ

Кортес вернулся в Испанию со свитой, включающей 40 индейцев. Среди этих обитателей Нового Света были три сына Монтесумы, а также группа акробатов, способных которых подбрасывать тяжелые вещи ногами необыкновенно изумила европейцев. (Вайдриц, 1927 г.)

На этой иллюстрации из «Флорентийского кодекса» показан конец осады Теночтитлана после серии согласованных атак на суше и на воде. У испанцев было 13 бригантин от 42 до 48 футов длиной, с одним или двумя парусами. Суда эти имели плоское дно, которое позволяло им свободно подходить близко к берегу. («Флорентийский кодекс», кн. 12, ч. 13, Американский музей естественной истории)

из перьев впоследствии оказались в Вене, где, после некоторых розысков, их можно увидеть в *Künsthistorische Museum* (Историко-художественном музее).

Однако добыча разочаровала испанцев. Несметные сокровища, обнаруженные некогда во дворце и пропавшие в «Ночь Печали», так и не нашлись. Как уже говорилось, солдаты снаряжались в поход за свой счет, и теперь, после окончания войны, их обременяли долги, которые необходимо было выплатить. Некоторые задолжали столько, что пришлось обратиться в третейский суд и тем, кто не имел возможности заплатить, была предоставлена двухлетняя отсрочка. Оставив позади страх и постоянное напряжение войны, солдаты начинали осознавать свое положение и роптать против командира, поскольку они были уверены, что он сколотил себе огромное состояние за их счет. Аналогично королевские аудиторы обвиняли его в утаивании сокровищ, которые по праву принадлежат короне. Они плохо понимали, что имеют дело не только с военными потерями, но и с высокоорганизованной системой частного предпринимательства ацтеков Мехико. Большая часть богатств, которые они видели в городе два года назад, принадлежала вовсе не государству, а могущественному торговому сословию, и эти торговцы, разумеется, бежали из города, унеся с со-

бой все, что только было возможно. И так, Кортеса приперли к стенке, и он призвал Куаутемока и других знатных людей, чтобы они объяснили ему, куда все делось. Но те мало что могли добавить. Королевский аудитор Хулиан Альдрете потребовал допросить под пыткой Куаутемока и Тетлепанкецаля, правителя Такубы. Кортес согласился – вероятно, с гораздо меньшими сомнениями, чем он изображал впоследствии. Этим двоим обмазали ноги маслом и подожгли. В конце концов Куаутемок сказал, что сокровища были брошены в озеро, однако испанские ныряльщики не нашли там ничего существенного. В конце концов, всеми этими жестокими мерами, в результате которых оба допрашиваемых стали калеками, испанцы получили всего лишь 200 000 песо. После того как короне, чиновникам, Кортесу и капитанам были выплачены их доли, солдаты получили в среднем около 160 песо за три года трудов и страданий. Чтобы дать представление о масштабах вознаграждения, скажем, что хороший меч в то время стоил около 50 песо. Хотя испанцам еще предстояло покорить большую часть Мезоамерики, Конкиста была в основном завершена после отречения Куаутемока. Исчезновение самой мощной силы на континенте оказало глубокое воздействие на окрестные государства. Единственной силой, способной на длительное и серьезное противостояние, являлась империя тарасков, живших к северо-востоку от Мичоакана. Когда известие о поражении ацтеков дошло до тарасков, они отправили к Кортесу посольство с просьбой принять их в вассалы. «Я ответил, что все мы здесь являемся вассалами Вашего Величества, – писал Кортес Карлу V, – и что их правитель, должно быть, достаточно мудр, чтобы изъяснить же-

Церемония крещения тлашкальтекской знати. Кортес постоянно говорил о христианстве и даже убедил тлашкальтеков убрать идолов из одного храма и заменить их изображениями Христа и Девы Марии. Для испанцев церемония крещения стала публичной демонстрацией добровольности их союза с тлашкальтеками. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

ление стать одним из нас, ибо мы обязаны объявить войну каждому, кто этого не пожелает». Тем не менее Кортес снарядил в Мичоакан несколько экспедиций, самая крупная из которых, возглавляемая Кристобалем де Олидом, пришла туда летом 1522 г. В порядке устрашения Олид разорил прилегающие области, разрушил храмы и отослал правителя тарасков в Мехико. Кортес принял его со всеми почестями, полагающимися правителю, и тот вернулся в Мичоакан с должными впечатлениями и покорностью. Олид тем временем двинулся дальше на север, в Колиму, которую быстро усмирил. Другие экспедиции дошли до тихоокеанского побережья. Сам Кортес возглавил экспедицию, направлявшуюся в Пануко с целью предотвратить попытку колонизации, предпринятую ямайским губернатором Гараем. В одном из городов они обнаружили кожу, снятую с лиц кастильцев из первой экспедиции Гарая. В конце концов Пануко был покорен, и к растущей империи добавился обширный сельскохозяйственный район.

Самой примечательной деталью этих экспедиций являлись задействованные в них многочисленные отряды индейцев с их собственными командирами и правителями во главе, причем многие из них прежде были врагами. Кроме тлашкальтеков в этих экспедициях принимали участие жители Тешкоко и более того – около 15 000 мешиков, посланных Куаутемоком, под командованием одного из его кузенов. Причина такого резкого поворота была очень проста: их религия долго предрекала разрушение мира, и теперь это пророчество исполнилось. Им не оставалось ничего, кроме как помогать тем, кто разрушил их мир. Таким образом, испанцам с помощью потерпевших поражение ацтеков в течение десятилетия удалось установить власть практически над всей территорией нынешней Мексики. Сопrotивлялись только подвластные майя районы Юкатана, которые сумели продержаться еще столетие, и некоторые прибрежные и пустынные области далеко на севере, покорение которых испанцы не считали неотложным делом. Как писал Кортес в третьем письме к Карлу V, спустя всего девять месяцев после поражения Куаутемока: «Хозяйства и имения Вашего Величества основаны во всех лучших и наиболее удобных для этого городах и провинциях».

Что самое интересное, Кортеса беспокоила и судьба индейцев. Хотя он и оказался разрушителем их мира, он восхищался их цивилизацией и верил в то, что при новых правителях они способны позаботиться о себе. Ему особенно претила мысль об обращении индейцев в рабов. Обсуждая эту проблему в одном из писем к императору, он утверждал, что индейцы слишком величественны, чтобы обращать их в рабство и притеснять до полного уничтожения, как это случилось в Вест-Индии. Однако кто бы трудился во владениях конкистадоров, если бы не рабы? Вдобавок целые страны, являвшиеся союзниками испанцев в войне, не подлежали порабощению, а их правители должны были получить свою долю. Чтобы избежать прямого обращения в рабство и все же поддержать экономику, Кортес рекомендовал учинить энкомьенду – систему, уже существовавшую в Вест-Индии, согласно которой конкистадору или поселенцу давалось право взыскивать установленное количество труда с индейцев, живущих в определенной местности. Такие люди назывались энкомендерос (в ед. числе – энкомендеро). Предполагалось, что они будут оберегать индейцев, об-

ращать их в христианство и при необходимости снаряжать их для военной службы. Кортес требовал, чтобы каждый энкомендеро выращивал те сельскохозяйственные культуры, которые вели к распространению европейских злаков в Новой Испании. На практике для энкомендеро гораздо проще было требовать оплату продуктами в соответствии с требуемой работой, чем уследить, кто, где и как трудится. Постепенно система развилась до данничества, не слишком отличающегося от того, что практиковалось при ацтеках до Конкисты. Энкомендерос попросту заменили собой прежних туземных правителей, так что никаких серьезных изменений не потребовалось.

Хотя формально энкомьенда была отменена Новыми Законами и прочими королевскими указами, в действительности она в той или иной форме просуществовала вплоть до XIX столетия, а в некоторых областях Мексики ее остатки сохраняются до сих пор.

Когда большая часть страны оказалась во власти испанцев, Кортес понял, что необходим административный центр. Хотя после капитуляции разрушенный и вымерший Мехико был оставлен, Кортес понимал, какое значение этот город имеет для всей страны. Вероятно, он также не хотел, чтобы руины стали местом паломничества для побежденного народа и возможным рассадником мятежа. В конце 1521 г. он решил возродить город. Мехико был поделен на участки, которые раздавали всем желающим, и его районы управлялись чиновниками по испанскому образцу. Пока шло восстановление, будущее население города оставалось в Койоакане. В мае 1522 г. Кортес написал королю:

«Мы уже четыре или пять месяцев отстраиваем город, и он уже прекрасен. Каждый день он становится еще благороднее, так что, как и прежде, он будет центром и столицей всех этих провинций. Он строится так, чтобы испанцы были здесь в безопасности и надзирали бы за туземцами, которые никоим образом не могли бы причинить им вред».

Поначалу за работы по восстановлению отвечал Альварадо. Местные союзники, которые теперь из подмоги превратились в обузу, получили свою долю от награбленного, а их правители были утверждены в качестве управляющих провинциями при новом порядке. Тех, кто не был нужен для очистки и восстановления города, отослали по домам. Пребывание Альварадо в должности ответственного за восстановление оказалось кратким. В начале 1522 г. ему поручили покорение Оахаки, где он оставался больше года и собрал изрядное богатство. Он возвращался в Мехико, когда получил извещение от Кортеса, что добычу следует отослать в столицу, дабы возместить утрату ценностей, перехваченных французскими корсарами Франциска I. Эта новость до крайности возмутила его солдат, уже считавших себя богачами, и кое-кто из них начал сговариваться убить Альварадо и его братьев. Узнав об этом, Альварадо арестовал заговорщиков. Двое завожил были повешены, а местный царек, тоже участвовавший в заговоре, заключен под стражу, где и умер две недели спустя. Этот заговор стал первым проявлением недовольства, преследовавшего Кортеса и его капитанов по мере того, как Конкиста подходила к завершению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОВАЯ ИСПАНИЯ И НОВОЕ НАСЛЕДИЕ

Если экспедиция Бальбоа в Панаму была первым случаем, когда европейцы ступили на материк в Западном полушарии, то покорение Мексики стало началом процесса, в результате которого более чем половина Нового Света оказалась в руках Испании почти на три столетия. Значение достижений Кортеса, как и достижений Колумба, на протяжении нескольких десятилетий было недооценено. Однако Колумб, открывший прежде неизвестный Европе материк, и Кортес, покоривший могущественную и прежде неизвестную империю, доказали, что возможно самое невообразимое. Они расчистили место для экспедиций Франсиско Писарро и прочих в Южную Америку, для экспедиций Франсиско Васкеса де Коронадо и Эрнандо де Сото на территорию современных Соединенных Штатов. В свете достижений Колумба и Кортеса имели смысл даже поиски Эльдорадо и семи золотых городов.

Впоследствии Мексика стала центральной частью обширного вице-королевства под названием Новая Испания, которое простиралось от современных американских штатов Юта и Калифорния на севере до границы между Панамой и Коста-Рикой на юге, и от Пуэрто-Рико на востоке до Филиппин на западе через полмира. Административным центром являлся город Мехико, поднявшийся, подобно фениксу, из пепла ацтекской столицы Теночтитлан. Новая Испания была первой в ряду вице-королевств, которые возникли южнее по всему полушарию по мере распространения власти Испании. Следующими стали Перу, откуда осуществлялось управление всей западной частью Южной Америки, Новая Гранада на севере Южной Америки и, наконец, Ла-Плата на юго-востоке Южной Америки. И только Бразилия находилась в руках португальцев. Мог ли кто-нибудь, кроме Кортеса, завоевать Мексику – вопрос сложный. Некоторые утверждают, что если бы этого не сделал он, сделал бы кто-нибудь другой. Но, как пишет в своей великолепной «Истории Конкисты» Хью Томас, это все чистой воды предположения. Следует задаться вопросом, смог ли бы кто-нибудь, кроме Кортеса, понять противоречия между индейскими народами и воспользоваться ими? Учитывая от-

ВВЕРХУ

Антон сжигает знатных индейцев. Из «Кодекса Кингсборо» (Джон Пол)

НАПРОТИВ

Современный Мехико-сити

Иллюстрация отражает всю иронию победы Кортеса для его индейских союзников. Францисканские монахи жгут боевые штандарты и трофеи тлашкальтеков вместе с их священными идолами. (Библиотека университета Глазго)

ношение большинства его современников, которые склонны были относиться к индейцам с презрением, это крайне маловероятно. А ведь именно политические и племенные различия сыграли важную роль в победе испанцев. Мог ли какой-либо другой лидер оказаться столь же удачлив и хватило бы у него здравого смысла, чтобы этим воспользоваться? Сумел бы другой человек удержать в полном повиновении армию, состоящую по большей части из своевольных авантюристов? Пока не пал Теночтитлан и ацтекская империя не отошла в историю, люди Кортеса не ставили под сомнение его право возглавлять их. Следует также отдать должное его способности поддерживать верность индейских союзников в критический момент незадолго до последнего рывка, когда «Ночь Печали» показала, насколько на самом деле уязвимы испанцы.

Что произошло бы, если бы Конкиста не удалась? Опять же, Томас небезосновательно полагает, что, возможно, Испания долго обдумывала бы новую попытку завоевания и что Мексика, подобно Японии, могла бы пойти собственным путем и еще долго оставаться в культурной изоляции, присоединившись к европейской цивилизации в более позднюю эпоху. Однако все это очень умозрительно. Пока Кортес решал проблемы консолидации недавно завоеванной империи и отстраивал ее сто-

лицу, возникла новая сложность. Неожиданно и без приглашения с Кубы прибыла жена Кортеса донья Каталина со свитой, приличествующей ее новой позиции вице-королевы. К тому времени у Кортеса имелось несколько любовниц, индейнок и испанок, а донья Марина вот-вот должна была родить ему сына. Супруги ссорились, и это в сочетании с тем, что Мехико расположен в 7500 футов над уровнем моря (примерно 2,5 км), плохо сказалось на и без того слабом сердце доньи Каталины. Она умерла при неясных обстоятельствах, и Кортеса обвиняли в том, что он убил ее. Однако похоже, что они поссорились и у доньи Каталины случился сердечный приступ.

Столь же подозрительной была смерть Франсиско де Гарая, вернувшегося в Мехико после провала его второй экспедиции в Пануко. После рождественского обеда с Кортесом Гарай умер от неизвестной желудочной хвори.

К тому времени возобновились улегшиеся было волнения. Кортес отправил Кристобаля де Олида в Гондурас, а в 1524 г. получил известие, что Олид поднял мятеж. Воспользовавшись этим предлогом (и не зная, что Олид уже потерпел поражение и казнен сторонниками Кортеса), он выступил во главе нескольких тысяч испанцев и союзников, в сопровождении всего двора. Он также взял с собой номинального императора Куаутемока. Экспедиция потерпела катастрофическую неудачу, ее преследовали голод, болезни и слухи о мятеже. Два года спустя в Мехико вернулись менее сотни выживших. Куаутемока среди них не было. Преследуемый мыслями о том, что император замышляет против него заговор, Кортес приказал повесить его.

Остальная часть жизни Кортеса принесла ему сплошные разочарования. Он и его товарищи, которые так стойко сражались и так мечтали о славе и богатстве, обнаружили, что их сменили чиновники и бумагомаратели, которых Карл V прислал для управления недавно завоеванным королевством. Вся оставшаяся жизнь Кортеса делилась между его имениями в Мексике и отстаиванием своих прав перед королем-императором. Он получил титул маркиза дель Валле де Оахака, звание капитан-генерала и обширные поместья, но ему отказали в праве управлять его же собственными завоеваниями. Эти функции были переданы государственным служащим, и в ранние годы Мексикой управляли несколько примечательных личностей. Однако ширящиеся сплетни, подогреваемые завистью, не позволяли Кортесу получить в полной мере то, что ему причиталось, а в конце жизни отношение к нему и вовсе стало недостойным. Он умер 2 декабря 1547 г., в совершенном разочаровании и забвении. Его тело позже перевезли в Мехико, где похоронили в Госпитале Иисуса, который он же сам и основал на пике своего могущества и славы.

Педро де Альварадо воспользовался Конкистой как подножием для карьеры исследователя и завоевателя. После покорения Гватемалы его назначили губернатором этой провинции и Гондураса. Но, имея столь же беспокойный нрав, как его бывший командир, он не мог устоять перед новыми авантюрами. В 1541 г. он помогал Кристобалю де Оньяте, исполняющему обязанности губернатора Халиско, осаждать индейский город. Его, облаченного в полный доспех, придавила поскользнувшаяся лошадь. Под тяжестью лошади и брони он умер спустя час. Но даже после смерти Альварадо оказался беззащитен перед чиновниками, и не прошло и года, как у его вдовы отобрали в пользу короны большую часть поместий.

В «Кодексе Кингсборо» отражены все ужасы, через которые пришлось пройти ацтекам из-за системы энкомьенды. На этой иллюстрации посланник Кортеса Антон сжигает четырех знатных индейцев. (Древнее искусство и архитектура)

Другой офицер Кортеса, Франсиско де Монтехо, в 1526 г. получил разрешение вторгнуться на полуостров Юкатан. Монах, сопровождавший экспедицию, описал неслыханную жестокость, с которой испанцы относились к майя. И все же майя продолжали сражаться еще 20 лет. Монтехо позднее возлагал вину за свои неудачи на Гонсало Герреро, бывшего испанского солдата, который чудом спасся при кораблекрушении, пережил плен и стал могущественным военачальником майя.

Нуньо де Гусман, в свое время державший сторону Веласкеса против Кортеса, оказался в спорной политической ситуации и надеялся снискать королевское благоволение нападением на царства Западной Мексики, каковое и совершил в 1529 г. Выступив в поход с испанскими войсками и многотысячной армией союзных индейцев, он учинил кровавую бойню от Мичоакана до Соноры. По его приказу правителя народа пурепеча проволокли по земле за скачущей лошадью, а затем сожгли зажи-

Битва при Кахамарке, 1532 г.

Со времен Колумба лошадям принадлежала главная роль во всех экспедициях конкистадоров. Индейцы обычно считали их мифическими существами и сравнивали с гигантскими оленями, до тех пор, пока не узнали их слабые места. Ацтеки научились использовать против лошадей пики, но уже после того, как война с испанцами была проиграна. Узнав о прибытии Атауальпы в Кахамарку, Писарро приготовил для императора инков ловушку. Сначала монах зачитал рекуэримьенто, документ, провозглашающий божественные права испанцев на завоевание. Отказываясь их признать, Атауальпа указал на солнце и сказал, что его бог живет в небесах и смотрит

оттуда на своих детей. В этот момент из места, где прятались испанцы, раздался выстрел из аркебузы, и всадники под предводительством Эрнандо де Сото с криками «Santagol Y a ellos!» («Сантьяго! И вперед на них!») атаковали охрану Атауальпы. Копыта стучали по мощеному двору, а затем по телам упавших воинов, которым некуда было бежать. Испанские мечи отсекали индейцам конечности, а копья пронзали иной раз сразу двоих. Армия инков была совершенно ошеломлена первой встречей с лошадьми. Сам Писарро, сражавшийся пешим, проложил себе путь мечом и взял Атауальпу в заложники. (Адам Хук, © Оспри Паблишинг Лтд.)

во. Десятки селений были сожжены, тысячи индейцев обращены в рабство. Вскоре после этого на северных границах стали распространяться слухи о золотых городах. И в самом деле, выживший после кораблекрушения Кабеса де Вака, заместитель начальника погибшей экспедиции Нарваэса, выбрался в 1537 г. из пустыни и сообщил об индейцах, которые живут в больших городах. Желая повторить успех Нуньо, Франсиско Васкес де Коронадо возглавил новую экспедицию. В 1540 г. более 300 испанцев, сотни индейских наемников и тысяча лошадей и свиней отправились на территорию нынешних американских штатов Аризона и Нью-Мексико только для того, чтобы найти там индейцев пуэбло, живущих в городах из саманного кирпича. Пока войска отсутствовали, индейцы Западной Мексики подняли восстание и атаковали изолированные испанские ранчо. Когда местный губернатор не смог подавить восстание, на

В современном Мехико повсюду можно встретить следы могущества ацтеков. Город, построенный на развалинах ацтекской столицы, — это настоящая сокровищница доколумбовых времен. Практически любое строительство натывается на руины старого города. При строительстве метро в конце 1960-х — начале 1970-х гг. и даже при ремонте канализации было сделано множество важных открытий. Видимо, наиболее интересным местом в современной Мексике является Тлателолко, ставшее после раскопок в начале 1960-х гг. частью правительственного проекта под названием «Площадь трех культур». На южной стороне широкой улицы Сан-Хуан-де-Летран находится двор большого храма, в котором сохранилось основание со 114 ступеньками, описанное Берналем Диасом. Его описание было

таким полным, что его книгу можно использовать как путеводитель по этим руинам. Этот объект представляет собой древнюю культуру. Прямо рядом с ним находится монастырь Санта-Крус-де-Тлателолко, основанный в 1536 г. епископом Сумаррагой и представляющий колониальную культуру. А за ним возвышаются здания из стекла и бетона, разрушенные и восстановленные после землетрясения, которые представляют культуру современную. Позади храмового комплекса находится стела с надписью: «13 августа 1521 года, после героической обороны, возглавляемой Куаутекомом, Тлателолко оказался во власти Эрнана Кортеса. Это было не триумфом и не поражением, а, скорее, мучительным рождением нации метисов — современной Мексики». (Topfoto/ The Image Works)

помощь призвали Педро де Альварадо, но «великая миптонская война» закончилась только тогда, когда сам вице-король вмешался в дело со свежими силами.

В Южной Америке у конкистадора Франсиско Писарро дела обстояли иным образом. Писарро был участником похода Васко Нуньеса де Бальбоа в 1513 г., а позднее стал влиятельным землевладельцем в нынешней Панаме. Уже в среднем возрасте он принял участие в двух экспедициях на юг вдоль побережья Колумбии и Эквадора, где впервые увидел золото инков. В 1532 г. Писарро получил разрешение императора организовать третью экспедицию в Перу. Империя инков распространяла свою власть на территорию более 700 000 кв. миль, на которых проживало более 10 млн. человек. Узнав, что император Атауальпа прибыл в Кахамарку, Писарро отважно атаковал армию инков и захватил в заложники их правителя. В качестве выкупа за себя тот пообещал комнату, полную золота, и прочие ценности. Это невероятное богатство составило 13 400 фунтов золота и 26 000 фунтов серебра. Затем Писарро приказал удавить Атауальпу. После ряда стычек испанцы в 1533 г. захватили Куско – столицу инков. Сопротивление продолжалось до 1570 г., но исход его был предрешен.

Разбогатев после получения своей доли выкупа от Атауальпы, Эрнандо де Сото, командующий у Писарро кавалерией, лично профинансировал вторжение во Флориду в 1539 г., несмотря на неудачу двух предыдущих экспедиций под началом, соответственно, Понсе де Леона и Нарваэса. В течение следующих трех лет его армия практически бесцельно перемещалась по территории нынешних Джорджии, обеих Каролин, Теннесси, Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Арканзаса и Техаса, пока им не пришлось бежать вниз по Миссисипи от объединенной индейской армии. Несмотря на добычу в виде 50 фунтов пресноводного жемчуга, экспедиция оказалась финансово разорительным предприятием, стоившим де Сото жизни.

В конце концов получилось, что больше всего выиграли некоторые рядовые солдаты, вроде Берналя Диаса с его гватемальскими поместьями. Помимо прочего, они научились ожидать худшего. Диас жаловался на бедность, но бедность эта была относительной. По сравнению с теми сокровищами, что так ему и не достались, он в самом деле мог считать себя бедным. Однако, по меркам и его времени, и нашего, Диас окончил свои дни в богатстве.

Конкиста положила начало горестной истории иноземных вторжений в Мексику. После Испании настал черед Соединенных Штатов и Франции, затем пришло время экономического колониализма Великобритании, Нидерландов и Германии, и тех же США. После этого в Мексике развился национализм с сильным оттенком ксенофобии. Хотя средний мексиканец к отдельно взятым иностранцам относится вполне добродушно, он отнюдь не испытывает того же самого к государствам, гражданами которого эти иностранцы являются.

Недружелюбное отношение к иностранцам началось в конце колониального периода, когда идеи просвещения, а также известия о полной независимости, завоеванной Соединенными Штатами в борьбе против Англии, просочились в Мексику, пробудив национальное сознание. Испания, к тому времени пришедшая в необратимый упадок, не могла больше пробуждать в мексиканцах преданность. На са-

Хотя, несомненно, такие конкистадоры, как Педро де Альварадо, заполучили огромное богатство, они не прекращали походы до самой своей смерти. В «Льенсо де Тлашкала» изображаются некоторые из поздних экспедиций конкистадоров. («Льенсо де Тлашкала», Американский музей естественной истории)

мом деле в период колонизации очень немногое могло эту верность породить. Хотя формально жители американских владений Испании считались ее подданными, а сами по себе провинции Нового Света именовались королевствами, а не колониями, отношения их с метрополией были отношениями слуги и хозяина, причем хозяина заморского. Гражданское управление находилось в руках *пенинсулярес* – уроженцев Испании или европейцев на испанской службе, для которых мексиканское назначение являлось всего лишь ступенькой в карьере. Закон запрещал этим людям владеть поместьями, недвижимостью, паями в копиях в управляемых ими областях. Цель такого закона состояла в том, чтобы избежать коррупции и конфликта интересов, однако в тех редких случаях, когда он применялся, он только увеличивал пропасть между управляющим и управляемыми.

Ниже пенинсулярес стояли креолы – испанцы чисто европейского происхождения, но родившиеся в Новом Свете. Они составляли поместное дворянство и офицерский корпус колониальных армий, но не имели права участвовать в делах государства. Третьим классом являлись метисы-полукровки, по большей части мелкие торговцы и ремесленники. Ниже всех стояли индейцы, единственным уделом ко-

торых была грязная и тяжелая работа. Эта кастовая система эффективно пресекала любые перспективы продвижения мексиканцев любого происхождения, так что когда в 1821 г. испанский режим рухнул, страна оказалась не готовой к самоуправлению. Первые десятилетия независимости в основном представляли собой череду военных диктатур, поскольку генералы из числа креолов были единственными людьми, обладавшими хоть каким-то административным опытом.

Даже независимость не убрала окончательно Испанию с мексиканской сцены. Испанцы еще несколько лет удерживали за собой крепость Сан-Хуан-де-Улуа, перекрывавшую вход в Веракрус, а в 1829 г. Испания предприняла тщетную попытку вновь оккупировать Мексику, но это привело лишь к окончательному разрыву. Однако позднее, в 1840 г., мексиканские монархисты составили совместно с испански-

Эта современная реконструкция представляет территорию Великого Храма Теночтитлана такой, какой она выглядела в 1519 г. Сам храм, увенчанный двумя святилищами Уицилопочтли и Тлаока, расположен в дальней части. Непосредственно на переднем плане находятся круглая платформа для жертвенных схваток и круглый же храм Кецалькоатля. Правее размещается цомпантли, хранилище, где были выставлены головы жертв, а прямо перед храмом Кецалькоатля — двор для игры в мяч.

Археологическое исследование Великого Храма началось в 1978 г. Его местоположение было давно известно, и сразу же по-

сле принятия решения о раскопках рабочие приступили к расчистке участка, для чего им пришлось снести несколько кварталов колониальных зданий, не имеющих особо исторической или архитектурной ценности. Сегодня посетитель может пройти по специальному помосту над обширными развалинами, причем не только самого храма, но и церемониальных залов. Однако это лишь часть того комплекса, о котором писали в своих воспоминаниях Кортес и его люди. Остальное лежит под колониальными строениями, которые сами по себе являются уникальными памятниками культуры. (Tropfoto/the Imagework)

ми коллегами заговор, имевший целью посадить на декоративный мексиканский трон испанского принца.

В результате отношение мексиканцев к испанцам можно назвать, в лучшем случае, двусмысленным. В то время как прочие нации в Латинской Америке увековечивают память былых завоевателей и первооткрывателей на монетах, в памятниках, названиях улиц и прочем тому подобном, в Мексике о Кортесе упоминают редко. Напротив, Куаутемок является национальным героем, и его имя и предполагаемый облик можно увидеть повсюду. Видимо, окончательным выражением национального отъединения был отказ Мехико установить дипломатические отношения с режимом Франко. Хаос, воцарившийся в Мексике в середине XIX в., породил одну из тех иронических ситуаций, которые так любят историки. Во время французской интервенции 1862–1867 гг. император Наполеон III убедил австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга взойти на мексиканский трон. Три года его правления прошли в непрерывной борьбе с республиканским правительством, которое возглавлял Бенито Хуарес, чистокровный индеец-сапотек. Лишившись поддержки Франции, империя рухнула, и Максимилиан сдался республиканцам. Более трех столетий назад кастильский авантюрист захватил индейскую Мексику ради короля из династии Габсбургов. А теперь мексиканский индеец приговорил к смерти принца той же династии.

Однако в жизни и культуре Мексики повсеместно видны следы испанского владычества. В каждом мексиканском городе и поселении, основанном до начала XX в., есть свои колониальные памятники. Церкви, как правило, скопированы с испанских образцов, которые, кстати, сами были построены под влиянием мавританского архитектурного стиля или переделаны из мечетей, хотя в облике многих мексиканских церквей чувствуется влияние традиций и приемов постройки мезоамериканских храмов. Дома, простые снаружи и роскошные внутри, тоже несут отпечаток мусульманской Испании. Помимо мавританского влияния можно увидеть также великолепные колониальные особняки и общественные здания в стиле ренессанса и барокко. Великий город Гуанахуато, колыбель мексиканской независимости, тем не менее, полностью является европейским, это сердце испанской культуры в Новом Свете, с его современными статуями Дон Кихота Ламанчского и верного Санчо Пансы, а также ежегодным фестивалем Сервантеса.

Однако влияние Испании простирается не только на искусство, литературу и архитектуру. Оно влияет и на повседневную жизнь мексиканского народа. Мексиканцы говорят на собственном диалекте кастильского. В их законодательной системе используется кодекс Наполеона, а их общественное поведение исторически отражает испанскую норму.

Коренные перемены в нашем восприятии ацтеков произошли в последние годы, после критического изучения истории Конкисты. Столетиями испанские хроники описывали крушение ацтекской империи как блистательное военное достижение небольшого, но прекрасно вооруженного отряда Кортеса, сумевшего нанести поражение ордам дикарей. Этот взгляд получил широкое распространение в XIX и XX столетиях отчасти благодаря популярности «Истории завоевания Мексики»

Рисунок из «Флорентийского кодекса» изображает Бернардино де Саагуна (1499–1590), испанского миссионера, описавшего в мельчайших подробностях языки и обычаи народов Нового Света. («Флорентийский кодекс», Американский музей естественной истории)

Прескотта. На самом деле испанцы в гораздо большей степени были обязаны своим успехом политической раздробленности ацтеков и болезням, чем превосходству в оружии и военном деле. Почти во всех битвах вместе с испанцами сражались их союзники-индейцы, численность которых составляла десятки тысяч. Таким образом, Конкиста была равным образом и столкновением культур и индейской гражданской войной. В наше время цивилизация ацтеков официально признана нацио-

нальным наследием Мексики, и более 20 миллионов человек, что составляет около 30% населения, заявляют о своем чистокровном индейском происхождении.

Испанская страсть к золоту была сравнима только с их ревностью к распространению своей религии. Примечательно, что христианство укоренилось в Новом Свете довольно легко. Для индейцев уничтожение ацтекской цивилизации означало, что боги оставили их, и это создало духовную пустоту. К тому же мешикская идея о богах, проливающих собственную кровь и требующих кровавых жертвоприношений в храмах, потребовала лишь небольших усилий для того, чтобы принять идею о боге, жертвующем свою кровь ради блага всего мира, а также символического «питья крови» во время христианского причастия. На самом деле, у туземных верований и христианства оказалось достаточно много параллелей, чтобы размыть различия между ними и образовать в результате уникальную местную форму католицизма. Древние ритуалы смешались с христианскими праздниками, а многие из старых богов превратились в христианских святых со сходными функциями. Вероятно, самым известным примером является Святая Дева Гваделупская, традиция поклонения которой была установлена индейцем по имени Хуан Диего в Тепейяке в 1531 г. Весьма интересно, что Тепейяк был городом, посвященным богине Тонацин, которая тоже являлась олицетворением матери.

По иронии судьбы, основателями этой новой веры стали испанские монахи, не изучавшие древние индейские верования и поэтому не сумевшие разглядеть под маской христианства черты поклонения старым богам. Первым миссионером, осознавшим это, был францисканец Бернардино де Саагун (1499–1590), который провел последние две трети своей долгой жизни в Мексике и первым применил то, что мы сейчас называем антропологическим исследованием, для изучения практически всех сторон жизни страны до Конкисты. Монументальная «Всеобщая история вещей Новой Испании» Саагуна, более известная как «Флорентийский кодекс», подробно описывает историю, религию, философию, торговлю, ремесла и прочее.

Несомненно, Саагуном двигало желание понять верования индейцев, чтобы противостоять идолопоклонничеству. Однако по мере продвижения эта работа обре-

Не вся Мексика была покорена силой. Многие государства встроились в испанскую колониальную систему мирным путем, оставшись под управлением собственной знати. На рисунке изображен разговор знатного миштека Доминго де Гусмана с викарием Доминго де Санта-Мария о теологических вопросах. Индейский касик-правитель держит в руках рукопись с пиктограммами, обсуждая происхождение своих божественных предков с монахом, в руках у которого Библия. Позади них изображен любопытствующий испанский энкомендеро Франсиско де лас Касас.

Довольно скоро между конкистадорами, церковью и индейской знатью стали возникать споры касательно управления страной. Кортес много времени проводил в Испании, отстаивая свои претензии на более высокие титулы и более значительные владения. В частности, он не желал довольствоваться пожалованным ему титулом маркиза дель Валле де Оахака, то есть Долины Оахаки, где множество золотых копей по-прежнему принадлежало миштекам

и сапотекам. В отсутствие Кортеса его сын Мартин и другие родственники были назначены на должности энкомендерос, что давало им право требовать от индейцев исполнения трудовой повинности. Франсиско де лас Касасу, двоюродному брату Кортеса, дали энкомьенду в Йанутилане (богатой провинции), но вскоре после этого он оказался втянут в споры за управление этой провинцией с доминиканскими монахами. Хотя Гусман, известный также как вождь Семь Обезьян, был прямым потомком эпического героя по имени Восемь Оленей, энкомендеро считал, что имеет права феодального владельца, и намеревался пресечь отношения доминиканцев с касиком. Выступая посредником между короной и туземной знатью, управлявшей землями, церковь в конце концов добилась того, что их взаимоотношения стали более плодотворными. К XVII в. энкомендерос и их потомки в основном лишились этого права, а их происхождение от конкистадоров было забыто. (Адам Хук, © Оспри Паблшинг Лтд.)

Дон Антонио де Мендоса (1490–1552), ставший вице-королем Новой Испании в 1535 г., был первым в длинной череде чиновников, которые сменили завоевателей в системе управления новыми землями. (Национальный исторический музей, Мехико)

ла собственную жизнь. Общась со своими учениками-индейцами, которые мешали науатль с кастильским и латынью, Саагун встречался с индейскими старейшинами и учеными, изучал их пиктографические записи и слушал их воспоминания о ныне исчезнувшем мире. Он был увлечен языками. Хотя в науатле не существовало сформировавшейся письменности, для выражения идей использовались пиктограммы. Многие из них воспроизведены во «Всеобщей истории» вместе с текстами на науат-

ле, записанными латинскими буквами, с кастильским переводом и комментариями. Изучая памятники ацтеков, Саагун нашел, что многое в их истории и культуре заслуживает восхищения. Материал в его трактате, создававшемся с 1558 по 1580 г., был, по европейским канонам, разделен на 12 книг, согласно предмету описания, а сам текст разбит на главы и параграфы. Двенадцатую книгу, посвященную собственно истории Конкисты с ацтекской точки зрения, автор дополнил в 1585 г., и причиной этих дополнений стало изменение взглядов самого Саагуна. В целом «Всеобщая история» содержит настолько исчерпывающие сведения и написана столь объективно, что ее брали за основу авторы любого современного труда о цивилизации ацтеков.

Другим важным источником по истории древней Мексики является иллюстрированное описание, сделанное специально для испанской короны. Этот документ, известный как «Кодекс Мендосы», хранится в Бодлейнской библиотеке в Оксфорде. Его составили в Мехико около 1541 г. (то есть раньше появления трудов Саагуна и Дурана) местные писцы, работавшие по заданию монахов, по требованию Карла V, желавшего побольше узнать о своих заморских владениях. Поскольку поручение о составлении этого описания было передано, очевидно, вице-королем Новой Испании доном Антонио де Мендосой, то сам документ носит его имя.

Текст «Кодекса Мендосы» является сочетанием индейских пиктограмм с письменными пояснениями на испанском и наутатле. Таким образом, по словам одного из ученых, он служит «чем-то вроде Розеттского камня». Текст и иллюстрации охватывают практически все области жизни мексиканского общества, включая список царств-данников и наложенной на эти царства дани, изображения изделий из ткани, оружия, доспехов, костюмов, пищи, и даже повседневные события из жизни представителей всех классов общества. Этот текст дает нам полное представление об ацтекской империи. Вдохновителем данной работы был Хуан де Сумаррага, первый епископ Мехико, прибывший туда в 1528 г. Как и Бартоломе де Лас Касас, Сумаррага видел себя защитником индейцев. Его методы, однако, были гораздо более тонкими, чем у Лас Касаса. В силу этого, а также потому, что он являлся апостолическим инквизитором, историки часто представляют его стражем установившегося статус-кво. Однако, при всем своем рвении в деле защиты и распространения католицизма, Сумаррага способствовал образованию и был открыт для чужих идей. Он верил, что мексиканцы способны воспринять все самое лучшее из испанской культуры и что в их собственной культуре (исключая религию) содержится много того, что достойно восхищения. Школы, основанные им или находившиеся под его покровительством, открыли дорогу для тех испано-индейских учеников, которые оказались незаменимыми помощниками для людей, подобных Саагуну или Дурану. Именно Сумаррага должным образом расспросил Хуана Диего о его видении Святой Девы Гваделупской. Хотя достоверность видения и даже само существование Хуана Диего ставились под сомнение как римскими католиками, так и некаатолическими исследователями, папа Иоанн Павел II канонизировал Хуана Диего во время своего епископального визита в Мехико в конце 2001 г.

БИБЛИОГРАФИЯ И СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Berdan, Frances F., and Anawalt, Patricia Rieff (eds.), *The Essential Codex Mendoza* (University of California Press, Berkeley, 1997)

Chavero, Alfredo, *Lienzo de Tlaxcala* (Mexico, 1892)

Columbus, Christopher, *Four Voyages to the New World: letters and selected documents*, trans. and ed. by R.H. Major (Corinth Books, New York, 1961)

Cortés, Hernán, *Letters from Mexico*, trans. and ed. by Pagden (Grossman Publishers, New York, 1971)

Díaz del Castillo, Bernal, *Historia Verdadera de la Conquista de la Nueva España*, 5th edition (Editorial Porrúa, S.A., Mexico, D.F., 1960)

Díaz del Castillo, Bernal, *The Discovery and Conquest of Mexico*, trans. and by A.P. Maudsley (Farrar, Straus & Cudahy, New York, 1956)

Durán, Diego (comp.), *The History of the Indies of New Spain*, trans. and annot. by Doris Heyden (University of Oklahoma Press, Norman, 1963)

De Fuentes, Patricia (ed. and trans.), *The Conquistadores: First-Person Accounts of the Conquest of Mexico* (The Orion Press, New York, 1963)

Hassig, Ross, *Mexico and the Spanish Conquest* (Longman, London, 1994)

León-Portilla, Miguel (ed.), *The Broken Spears: The Aztec Account of the Conquest of Mexico* (Constable and Company Ltd., London, 1962)

López de Gómara, Francisco, *Cortés: The Life of the Conqueror by his Secretary*, trans. and ed. by Lesley Byrd Simpson (University of California Press, Berkeley, 1964)

Sahagún, Bernardino de (comp.), *Florentine Codex: General History of the Things of New Spain*, trans. by Arthur J. O. Anderson and Charles E. Dibble, 12 vols (School of American Research, Santa Fe, 1950–82)

Sahagún, Bernardino de, *Primeros Memoriales*, 2 vols, photography by Ferdinand Anders, paleography of Nahuatl text and English translation by Thelma D. Sullivan, Completed and revised with additions by H. B. Nicholson, Arthur J. O. Anderson, Charles E. Dibble, Eloise Quiñones Keber and Wayne Ruwt (University of Oklahoma, Norman, 1993–1997)

Thomas, Hugh, *Conquest: Montezuma, Cortés, and the Fall of Old Mexico* (Simon & Schuster, New York, 1993)

Thomas, Hugh, *Who's Who of the Conquistadores* (Cassell and Co., 2000)

ЛИТЕРАТУРА

Anawalt, Patricia Rieff, «What Price Aztec Pageantry?» in *Archaeology* Vol. 30/4 (1977), pp. 226–233.

Anawalt, Patricia Rieff, *Indian Clothing Before Cortés: Mesoamerican Costumes from the Codices* (University of Oklahoma Press, Norman, 1981)

Anawalt, Patricia Rieff, «Understanding Aztec Human Sacrifice,» in *Archaeology* Vol. 35/5 (1982), pp. 38–45.

Anawalt, Patricia Rieff, «Riddle of the Aztec Royal Robe,» in *Archaeology* Vol. 46/3 (1993), pp. 30–36.

Atkinson, William C., *A History of Spain and Portugal* (Penguin Books Ltd., London, 1960)

Bancroft, Hubert Howe, *History of Mexico, Vol. 2*, from *The Works of Hubert Howe Bancroft*, 39 vols (A.L. Bancroft & Co., San Francisco, 1883)

- Boone, Elizabeth Hill, *The Aztec World*, in *Exploring the Ancient World* series (St. Remy Press, Montreal, and Smithsonian Institution, Washington DC, 1994)
- Boorstin, Daniel, *The Discoverers* (Random House, New York, 1983)
- Broda, Johanna, Carrasco, David & Matos Moctezuma, Eduardo, *The Great Temple of Tenochtitlán: Center and periphery in the Aztec World* (University of California Press, Berkeley, 1987)
- Brumfiel, Elizabeth M., «Elite and Utilitarian Crafts in the Aztec State,» in Elizabeth M. Brumfiel & Timothy K. Earle (eds.), *Specialization, Exchange and Complex Societies* (Cambridge University Press, Cambridge, 1987), pp 102–118.
- Carrasco, David and Matos Moctezuma, Eduardo, *Moctezuma's Mexico: Visions of the Aztec World* (University of Colorado Press, Niwot, 1992)
- Carrasco, Pedro, *The Tenochca Empire of Ancient Mexico: The Triple Alliance of the Tenochtitlán, Tetzaco, and Tlacopan* (University of Oklahoma Press, Norman, 1999)
- Carrasco, Pedro, «Social Organization of Ancient Mexico,» in Gordon Elkholtz & Ignacio Bernal (eds.), *Handbook of Middle American Indians, Vol 10* (University of Texas Press, Austin, 1964–76), pp. 349–375.
- Caso, Alonso, *The Aztecs, People of the Sun*, 5th edition (University of Oklahoma Press, Norman, 1978)
- Cerwin, Herbert, Bernal Diaz, Historian of the Conquest (University of Oklahoma Press, Norman, 1963)
- Clendinnen, Inga, *Aztecs: An Interpretation* (Cambridge University Press, Cambridge, 1991)
- Chimalpahin Quauhtlehuanzin, Domingo de San Antón Muñón, *Codex Chimalpahin: Society and Politics in Mexico Tenochtitlán, Tlatelolco, Texcoco, Culhaucan, and Other Nahua Atlepetl in Central Mexico: The Nauatl and Spanish Annals and Accounts Collected and Recorded by don Domingo de San Anton Munon Chimalpahin Quauhtlehuanzin*, ed. and trans. by Arthur J.O. Anderson and Susan Schroeder (University Press of Oklahoma, Norman, 1997)
- Cypress, Sandra Messinger, *La Malinche in Mexican Literature From History to Myth* (University of Texas Press, Austin, 1991, reprinted 2000)
- Davies, Nigel, *The Aztecs, A History* (University of Oklahoma Press, Norman, 1980)
- Fagan, Brian, *The Aztecs* (W.H. Freeman and Co., New York, 1984)
- Florescano, Enrique, *El Mito de Quetzalcóatl* (Fondo de Cultura Economica, Mexico, 1993)
- Gillespie, Susan D., *The Aztec Kings: The Construction of Rulership in Mexica History* (University of Arizona Press, Tucson, 1989)
- Gush, George, *Renaissance Armies: 1480–1650* (Patrick Stephens, Cambridge, 1975)
- Hassig, Ross, *Aztec Warfare: Imperial Expansion and Political Control* (University of Oklahoma Press, Norman, 1988, reprinted 1995)
- Hassig, Ross, *War and Society in Ancient Mesoamerica* (University of California Press, Berkeley, 1992)
- Heath, Ian, *The Armies of the Aztec and Inca Empires, Other native Peoples of the Americas, and the Conquistadores 1450–1608*, from *Armies of the 16th Century* series, Vol.2 (Foundry Books, Nottingham, 1999)
- Held, Robert, *The Age of Firearms: A Pictorial History from the Invention of Gunpowder to the Advent of the Modern Breechloader* (The Gun Company, Chicago, 1970)
- Hillebrand, Hans J., «The Reforming Spirit,» in Merle Severy (ed.), *Great Religions of the World* (National Geographic Society, Washington, 1971)
- Humble, Richard, et al., *The Explorers*, from *The Seafarers* series (Time-Life Books, Alexandria, Virginia, 1978)
- Innes, Hammond, *The Conquistadores* (Alfred A. Knopf, New York, 1969)
- Kelly, John Eoghan, *Pedro de Alvarado, Conquistador* (Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1932)
- Kendall, Paul Murray, «The World of Francis I,» in *The Renaissance, Maker of Modern Man* (National Geographic Society, Washington, 1970)

- Klein, Cecelia, «The Ideology of Autosacrifice at the Templo Mayor,» in Elizabeth H. Boone (ed.), *The Aztec Templo Mayor* (Dumbarton Oaks, Washington DC, 1987).
- Lavin, James D., *A History of Spanish Firearms* (Herbert Jenkins, London, 1965)
- Léon-Portilla, Miguel, *Pre-Columbian Literatures of Mexico* (University of Oklahoma Press, Norman, 1969)
- Léon-Portilla, Miguel, Bernardino de Sahagún, *First Anthropologist*, trans. by Mauricio J. Mixco (University of Oklahoma Press, Norman, 2002)
- Livesey, Anthony, *Great Commanders and their Battles* (Macmillan, London, 1987)
- Lockhart, James, *The Nahuas after the Conquest: A social and Cultural History of the Indians of Central Mexico* (Stanford University Press, Stanford, 1992)
- Matos Moctezuma, Eduardo, *The Great Temple of the Aztecs: Treasures of Tenochtitlan* (Thames and Hudson, London, 1988)
- Miller, Hubert J., *Juan de Zumarraga: First Bishop of Mexico* (New Santander Press, Texas, 1973)
- Nicholson, H.B., «Religion in Pre-Hispanic Central Mexico,» in Gordon Ekholm & Ignacio Bernal (eds), *Handbook of Middle American Indians, Vol.10* (University of Texas Press, Austin, 1971) pp. 395–446.
- Nicholson, H.B., *Topiltzin Quetzalcoatl of Tollan: a Problem in Mesoamerican Ethnohistory* (University of Colorado Press, Boulder, 2001)
- Nicholson, H.B. with Quinones Keber, Eloise, *Art of Aztec Mexico: Treasures of Tenochtitlan* (National Gallery of Art, Washington, DC, 1983)
- Nicolle, David, *Fornovo 1495*, Campaign 43 (Osprey Publishing, Oxford, 1996)
- Nicolle, David, *Pavia 1525*, Campaign 44 (Osprey Publishing, Oxford, 1996)
- Nicolle, David, *Granada 1492*, Campaign 53 (Osprey Publishing, Oxford, 1998)
- Oman, C.W.C., *The Art of War in the Middle Ages*, rev. and ed. by John H. Beeler (Cornell University Press, Cornell, 1968)
- Pasztory, Esther, *Aztec Art* (Harry N. Abrams Inc, New York, 1983)
- Pohl, John M.D., *Exploring Mesoamerica* (Oxford University Press, Oxford, 1999)
- Peterson, Harold L., *Arms and Armor in Colonial America 1526–1783* (Stackpole Co., Harrisburg, 1956)
- Peterson, Harold L., *The Treasury of the Gun* (Rodge Press and Golben Press, 1962)
- Prescott, William Hickling, *History of the Conquest of Mexico*, 1843 (Reprinted by the Modern Library, New York, 1998)
- Quinones Keber, Eloise, *Codex Telletiano Remensis* (University of Texas Press, Austin, 1995)
- Sauer, Carl Ortwin, *The Early Spanish Main* (University of California Press, Berkeley, 1966)
- Smith, Michael E., *The Aztecs* (Blackwell Publishers, Oxford, 1994)
- Soustelle, Jacques, *The Daily Life of the Aztec in the Eve of the Spanish Conquest* (The Macmillan Company, New York, 1962)
- Stewart, Desmond, et al., *The Alhambra* (Newsweek, New York, 1974)
- Stone, George Cameron, *A Glossary of the Construction, Decoration, and Use of Arms and Armor in all Countries and in all Times Together with Some Closely Related Topics* (Jack Brussel, New York, 1961)
- Stuart, Gene S., *The Mighty Aztec* (The National Geographic Society, Washington DC, 1981)
- Time-Life Books (ed.), *Gods of Sun and Sacrifice: Aztec & Maya Myth*, from *Myth and Mankind* series (Time-Life Books BV, Amsterdam, 1997)
- Townsend, Richard, *The Aztecs* (Thames and Hudson, London, 1992)
- Weiditz, Christoph, *Das Trachtenbuch des Christoph Weiditz von seinen Reisen nach Spanien (1529) un den Niederlanden*, ed. by Theodor Hampfe (Walter de Gruyter & Co.< Berlin, 1927)
- Wise, Terence, *The Conquistadores*, Men-at-Arms 101 (Osprey Publishing, London, 1980)
- Wood, Peter et al., *The Spanish Main*, from *The Seafarers* series (Time-Life Books, Alexandria, Virginia, 1979)

ГЛОССАРИЙ

адарга – кожаный сердцевидный щит

аркебуза – фитильное «ружье с крюком», отличающееся от других типов ручного огнестрельного оружия своей изогнутой сзади ложей (прикладом)

армэ – наиболее распространенный шлем всадника западноевропейской тяжелой конницы XV в.

атлатль – ацтекская копьеметалка

ацтеки – «Народ Астлана», или Страны Цапель, собирательное название жителей долины Мехико (Мешико), говорящих на языке науатль

Ашайакатль (годы правления 1469–1481) – третий ацтекский император, отец императоров Монтесумы и Куитлауака. В его теночитланском дворце в 1519–1520 гг. квартировал Кортес

барбют – разновидность западноевропейского открытого шлема

бургиньот – западноевропейский открытый шлем с полями и гребнем

бюффэ – защита у шлема для подбородка

донья Марина (1502–1551) – Малиналли, известная также как Ла Малинче. Индианка, подаренная испанцам в Потончане. Владея чонтальским наречием майя и языком науатль, она стала переводчицей Кортеса и до некоторой степени его доверенным лицом, советницей и соглядатаем. Родила ему сына. После Конкисты вышла замуж за Хуана Харамильо и жила в своих владениях.

гублет – облегающая куртка, испанская мужская одежда XVI в.

угальго – представитель мелкого испанского дворянства

ичкауипилли – ацтекский доспех из хлопка

Какама, он же **Какамацин** – правитель Тешкоко (годы правления 1515–1520), дальний родственник Монтесумы. Его отцом был великий правитель и государственный деятель Несауальпилли (годы правления 1472–1515). Какама встретил Кортеса по пути в Мехико и указал ему дорогу к городу. Умер при загадочных обстоятельствах во время «Ночи Печали», вероятно, был убит по приказу Кортеса.

кальмекак – ацтекская жреческая школа

Камаштли – имя Мишкоатля, отца легендарного Кецалькоатля

кауильо – испанский командир отряда

Кецалькоатль – тольтекский культовый герой, почитаемый повсеместно в центральной и южной Мексике

Коанакоч (годы правления 1520–1521) – брат Какамы, взошедший на трон Тешкоко в 1520 г., после того как его предшественника взял под стражу Кортес

Коиштлауака – чочо-миштекское госдударство в Оахаке

Куальпопока (умер в 1520) – мешикский правитель Пануко, зачинщик антииспанского восстания на побережье. Сожжен на костре в конце 1520 г.

Куаутемок (1496–1525), он же Гуаутемок и Гуаутемотцин, – восьмой и последний император ацтеков, правивший с 1520 по 1521 г. Сын Ауицотля, пятого императора (годы правления 1486–1502), и двоюродный брат Монтесумы. Сдался Кортесу 13 августа 1521 г. Повешен в 1525 г. во время Гондурасского похода Кортеса.

куачике – ацтекский воинский ранг

Куитлауак (умер в 1520) – седьмой император, сын Ашайакатля, брат Монтесумы, которому он и наследовал после свержения последнего. После нескольких месяцев правления умер от оспы.

куэштекатль – особый ацтекский воинский ранг

мавры – исламское население Испании

макуауитль – ацтекский меч

масеуатль – ацтекский крестьянин

мешика – ацтекское племя, основавшее Теночтитлан

Мишкоатль – Облачный Змей, чичимекский герой, отец Кецалькоатля, бог-покровитель Тлашкалы и Уэшоцинко

миштеки – индейские племена северной и восточной Оахаки

Монтесума, он же **Моктесума** и **Мотекусума** (1468–1520) – шестой император Мексики, второй носитель этого имени. Правил с 1502 по 1520 г. Сын Ашайакатля. Лишившись власти и став пленником испанцев, умер при загадочных обстоятельствах (вероятно, был забит камнями).

морион – высокий западноевропейский шлем с полями

науа – индейские племена, населявшие центральную Мексику. Ацтеки – одна из ветвей науа

науатль – язык науа

Несауалькойотль – прославленный тлатоани Тешкоко

нештлауалли – ацтекское название жертвоприношения, букв. «уплата долга»

Реконкиста – «отвоевание» Иберийского полуострова у мавров, завершённое королем Фердинандом и королевой Изабеллой

сапотекы – индейцы Оахаки

селата – разновидность испанского шлема

сиуакоатль – верховный жрец культа чичимекской богини, являвшейся матерью Мишкоатля и существовавшей в двух ипостасях, как Сиуакоатль (Женщина-Змея) и Тонацин (Наша Мать). Считался вторым по значению лицом в империи ацтеков.

тараски – индейские племена Мичоакана, более известны как пурепеча

текутли – ацтекский землевладелец

тельпочкалли – букв. «дом мальчиков», воинская школа у ацтеков

Теночтитлан – столица мексиканских ацтеков

Тентлиль (он же Теутлилли, Теудиле или Тендиле) – мексиканский дипломат и правитель вассальной провинции тотонаков, первым встретил Кортеса после высадки. Сведений о нем после того, как Кортес вступил во внутренние области Мексики, не имеется.

тепоцтопилли – ацтекская алебарда

терция – подразделение в испанской армии XVI в., численностью около 250 человек

Тетлепанкецаль – правитель Такубы (Тлакопана), замучен Куаутемоком

тильматли – ацтекское широкое прямоугольное одеяние, носилось как плащ или как пончо

тлатоани – «оратор», высокопоставленный текутли

тональпоуки – ацтекский предсказатель

уастеки – индейские племена северного Веракруса

Уицилопочтли – Колибри Юга, бог-покровитель ацтеков

уэй тлатоани – букв. «великий оратор», император ацтеков

фитильная пицаль – первое настоящее ружье, снабженное спусковым крючком, запальным фитилем и спусковым механизмом (замком)

цицимитль – ацтекский демон

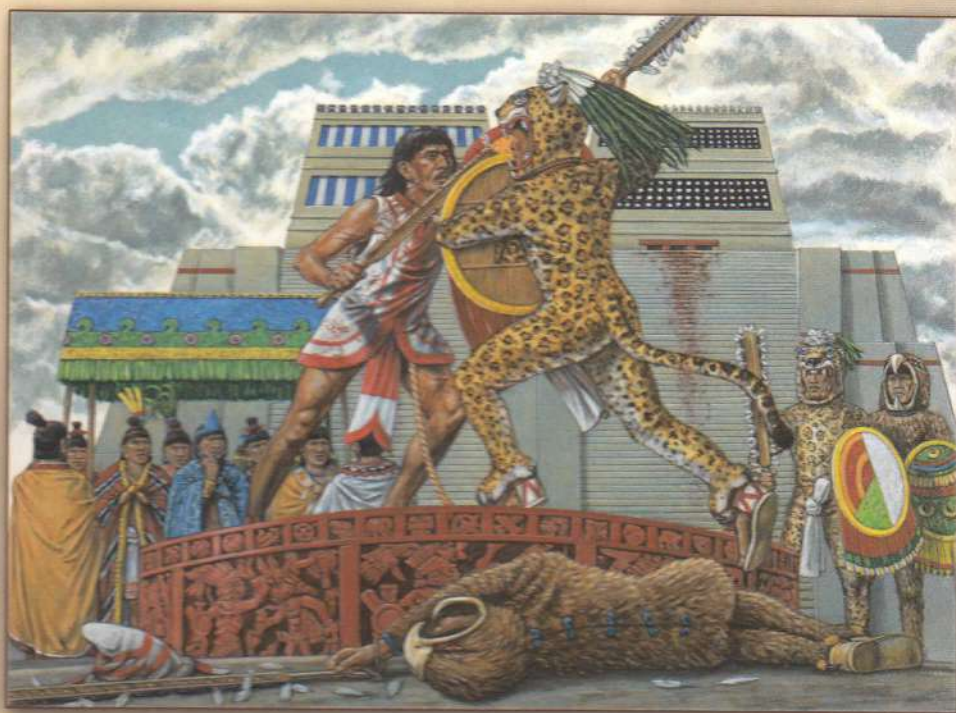
чинампа – искусственный остров-поле

шапель де фер – букв. «железная шапка», открытый западноевропейский шлем XII–XVI вв. с низкой тульей и широкими круговыми полями

шиколли – короткая куртка с бахромой, одежда ацтекских жрецов

шикуипилли – ацтекское название подразделения в 8000 человек

эуатль – воинская одежда ацтекской знати

Как создавалась и как была уничтожена великая империя ацтеков, самого могущественного государства доколумбовой Америки

Война миров, столкновение двух цивилизаций, ужасные кровавые культы древних индейцев и ненасытная жажда золота завоевателей. Судьбоносные битвы и события, определившие на века ход мировой истории

Описание организации, тактики, методов подготовки и кодекса поведения ацтекских воинов, на протяжении столетий наводивших ужас на всех своих врагов и изумивших своим бесстрашием завоевателей из Старого Света

Подробнейшие и достоверно точные иллюстративные материалы, в деталях воссоздающие внешний облик и вооружение всех типов индейских воинов и испанских конкистадоров

Цветные и черно-белые фотографии предметов искусства и археологических находок, а также карты и схемы

ISBN 978-5-699-32129-2

9 785699 321292 >

ЭКО